

ТУВИНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Л

ТУВИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

*Пересказ
и литературная
обработка для детей
М. Хадаханэ*

РИСУНКИ В. ГОЛАТЕНКО

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1988

СФ(Сиб)

Т81

Т81 **Тувинские народные сказки/Пересказ и литер.**
обработ. М. Хадаханэ; Рис. В. Голатенко.— М.: Дет.
лит., 1988.—111 с., ил.

В пер.: 45 к.

В книгу входят сказки героические, волшебные, бытовые, о зверях, птицах, рыбах, о богатстве и красоте тувинской земли. В них отразились думы и чаяния простых тружеников, которые всегда выходят победителями, несмотря на всякие препятствия. Они продолжают бороться и в конце концов обретают счастье.

Т 480300000—023427—88
М101(03)88

СФ(Сиб)

© Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

О СКАЗКАХ ТУВЫ

Открывая эту книгу, ребята, вы словно входите в сказочную юрту. Перед вами предстанут герои сказок, созданные воображением тувинского народа.

Сказки эти сочинялись не в один день. Давным-давно, в разные времена люди сказывали их друг другу и так, передавая из уст в уста, из одного кочевья в другое, из поколения в поколение, донесли их до наших дней.

Не помню, когда я в первый раз услышал об Оскюс-оэле, замечательном герое тувинских народных сказок. Он очень похож на Иванушку из русских сказок, похож своей горестной, трудной судьбой, неиссякаемой весёлостью и жизнелюбием. Какие только беды не приключались с ним, какие злые силы не обрушивались на него, но он не ведал страха и всегда оказывался хитрее и умнее врагов, потому что народ наделил его своей мудростью и смекалкой.

В недавнем прошлом тувинцы жили в юртах, кочевали в горах, в долинах рек. Они не имели письменности, были почти сплошь неграмотными, а сказки слушали из уст сказителей. Морозный и многоснежный февраль считался месяцем, в который наступает Новый год. В день Нового года ездили в гости в соседние стойбища, играли в национальные игры, состязались в стрельбе из лука, в борьбе. Не было недостатка и в угощениях. И всё-таки лучше любых праздничных угощений, интереснее самых бурных схваток борцов были для маленьких новогодние сказки.

Отчётливо вспоминаю то далёкое время. Мне было десять лет. Наш аал¹, состоявший из двух юрт, кочевал в верховье небольшой горной речки, где высятся безмолвные скалы, покрытые снежными шапками. На той стороне гор, где меньше бывало солнца, тянулись густые таёжные леса. Стройные лиственницы с мягкой хвоей, вечнозелёные ели, кедры и белые берёзы образовали непроходимую чащобу, там водились красавицы косули, маралы, горбоносые лоси, огромные медведи.

¹ А а́л — небольшое поселение из двух, трёх и более юрт.

Нас не пугало близкое соседство с этими обитателями тайги.

В одной юрте жила наша бабушка, больной дед и мы: брат, сестра и я. В другой — мой старший брат, его жена и их дети. Однажды с утра взрослые велели нам наготовить побольше сухих дров, чтобы их хватило на целую ночь. Мы принялись за дело, предчувствуя приближение праздника.

И вот запасены дрова, приготовлены праздничные кушания — лепёшки, жареное просо, лапша. Все собрались в нашей юрте и сидят вокруг очага. Огонь греет нам грудь, оставляя холодными спины, его блики пляшут по стенам юрты. Мы, ребятишки, жмёмся к взрослым.

На почётном месте сидит наш дед. Он сидит, подобрав под себя ноги, с закрытыми глазами, положив одну ладонь на другую. Сейчас он будет рассказывать сказки. Все молчат, в юрте тихо. Мы едва дышим.

Дед певучим голосом начинает героическую сказку. Всех, кто сбился в этой тесной юрте вокруг очага, увлекает сказочный мир, в котором развёртываются события, одно сложнее и удивительнее другого. Мы забываем о сне.

Так с давних пор тувинцы слушали сказки под Новый год. Увлекались сказками и в другое время. Как только появлялись сказители, слушатели всегда находились.

Сказки были разные: героические, бытовые, о зверях, о птицах, рыбах, о богатстве и красоте тувинской земли. В них раскрывались думы простых тружеников, сталкивались интересы бедных и богатей. В сказках простые люди почти всегда выходят победителями, несмотря на всякие препятствия, они продолжают бороться и в конце концов обретают счастье.

Мои земляки не живут больше в юртах. В тувинских городах и посёлках много хороших благоустроенных домов. В горах, которые считались священными и неприступными, найдены и добываются уголь, асбест, металл. По степным просторам непрерывным потоком движутся машины, созданные разумом и руками человека. А в голубизну небес с неслышной даже в сказках скоростью уносятся воздушные лайнеры.

Пусть же народные сказки поведают вам о мечтах наших предков, о мудрости маленького тувинского народа, который бережно сохранил, пронеся сквозь столетия, своё устное народное творчество.

Олэг Саган-оол

ОСКЮС-ООЛ И ЗОЛОТАЯ ЦАРЕВНА

авным-давно был на свете удалой молодец, по имени Оскюс-оол. Жил он со своим старым-престарым отцом в ветхом чуме, и было у них всего-навсего семь коз.

Оскюс-оол пас коз и ухаживал за отцом — готовил ему еду, кипятил чай.

Однажды старику стало совсем плохо. Загоревал Оскюс-оол:

— Не было меня — ты породил меня. Родился я — ты вырастил меня. Что случилось с тобой, чем помочь тебе?

Погладил старик сына по голове и сказал тихим голосом:

— Ничем нельзя помочь мне, сын мой. Я пришёл на край жизни. Хорошо бы напоследок отведать наваристого супа, полежать на мягкой шкуре. Да

жаль, скота у нас мало — козы тебе самому нужны будут.

— Зачем мне скот, отец, если тебя не будет? — сказал Оскюс-оол и заколол козу. Шкуру козы отцу постелил, а из мяса суп сварил.

Каждый день он варил суп, кипятил чай, а отец плёл из козьей шерсти мешок — таар.

Когда была съедена последняя коза, старик кончил плести таар и позвал сына.

— Настал, сынок, мой последний день. Нечего мне оставить тебе, кроме вот этого мешка. Сердце у тебя доброе — не пропадёшь. Похорони меня у склона Арзайты-горы, где лежит белый камень, а сам иди на север, к Золотому озеру, и живи там.

К утру старик умер.

Заплакал-загоревал Оскюс-оол, но делать нечего, надо выполнять наказ отца. Нашёл у склона Арзайты-горы белый камень, похоронил там отца и отправился прямо на север.

Много дней и ночей шёл Оскюс-оол по глухой тайге, а Золотого озера всё не было видно. На одном из перевалов встретил он белобородого старика на белом коне с белым вьюком.

— Как твоё имя-прозвище? Откуда идёшь, куда путь держишь, парень? — спросил старик.

— Зовут меня Оскюс-оол. Иду с южной стороны к Золотому озеру. Далеко ли мне идти ещё, душака?

— Никогда не доберёшься тебе, парень, до Золотого озера! — сказал насмешливо белый всадник и ускакал прочь.

«Борода белая, конь и вьюк белые, а душа у старика, видно, чёрная», — подумал Оскюс-оол и пошёл дальше.

На перевале другой горы встретил он чернобородого старика на чёрном коне с чёрным вьюком.

— Как твоё имя-прозвище? Откуда идёшь, куда путь держишь, парень? — спросил старик.

— Зовут меня Оскюс-оол. Иду с южной стороны к Золотому озеру. Далеко ли мне идти ещё, девушка?

— Спустишься с горы и увидишь на реке Чингэ-Карá-Хем аал Бай-хана. От него до Золотого озера три дневных перехода. Доброго пути тебе, сынок! — ласково сказал старик и отправился дальше.

«Борода чёрная, конь и выюк чёрные, а душа у старика, видно, светлая», — подумал Оскюс-оол и пошёл дальше.

У реки Чинге-Кара-Хем увидел он большой аал и вокруг такое множество скота, словно травы в степи.

«Видно, очень богат этот Бай-хан», — подумал парень и зашёл в чёрную юрту.

— Откуда идёшь, куда путь держишь, сынок? — спросил его старик — хозяин юрты.

— Иду с юга к Золотому озеру.

— Оставайся у нас, отдохни, — сказал старик, — завтра будут большие состязания. У хана есть дочь,

и к ней съехалось много богатых женихов. Кто быстрее всех принесёт воды из-за чёрной горы, Кара-Дага, тому хан свою дочь отдаст.

Хоть и не собирался Оскюс-оол жениться, но решил испытать свои силы. Попросил он утром у старика ведро и пошёл к ханской юрте. Здесь уже собралось тридцать женихов с ведрами, все здоровые, сильные, друг на друга зло поглядывают, начала ждуть.

Увидели они, что парень-бедняк хочет состязаться с ними, и стали насмехаться над Оскюс-оолом.

Но тут вышел хан, взмахнул шёлковым платком, и все побежали к чёрной горе. Не успели женихи за гору перевалить, а Оскюс-оол, с малых лет привыкший бегать по горам за козами, уже обратно спешит.

Отдал Оскюс-оол хану ведро с водой и говорит:

— Мне пора в путь. Не нужна мне твоя дочь, не могу я здесь оставаться — отец велел идти к Золотому озеру.

И Оскюс-оол отправился дальше.

Дважды всходило и заходило солнце, а Оскюс-оол всё шёл на север. А когда поднялось солнце в третий раз, подошёл он к Золотому озеру и видит: по всему берегу лежит сушёная рыба.

«Прав был отец: здесь я всегда буду сыт», — подумал парень и остался тут жить.

Однажды на берегу Оскюс-оол увидел двух рыбаков, которые выловили золотую рыбку и хотели её в котёл бросить. Жалко стало Оскюс-оолу рыбку, и он попросил:

— Отдайте её мне.

— А ты что нам дашь взамен? — спросили рыбаки.

— У меня ничего нет, кроме этого мешка — подарка отца. Хотите — берите, только рыбку не губите.

Видят рыбаки — хороший мешок у Оскюс-оола, и согласились.

Вырыл Оскюс-оол около берега ямку, наполнил её озёрной водой и пустил туда золотую рыбку. Ярче солнечных лучей засияла, заискрилась в воде золотая рыбка. Целый день любовался ею Оскюс-оол, даже во сне она, лучезарная, снилась ему.

Наутро он увидел, что в ямке появилось ещё много другой рыбы. Обрадовался Оскюс-оол такому богатству. Часть рыбы он съел, часть посушил. Каждое утро ямка с золотой рыбкой наполнялась рыбой.

Как-то пришёл Оскюс-оол за рыбой, а в ямке пусто.

Загоревал Оскюс-оол, запечалился. Идёт он вдоль берега с поникшей головой и думает о золотой рыбке. Вдруг видит — забурлило озеро и выскочил на берег на огненно-красном коне краснолицый старик в собольей шапке. Подскакал он к Оскюс-оолу и говорит приветливо:

— Оскюс-оол, хозяин Золотого озера Далай-хан¹ зовёт тебя к себе.

«Зачем я ему понадобился?» — удивился Оскюс-оол, но послушаться не посмел. Сел позади всадника на коня. Они поскакали так быстро, что зазвенело-засвистело в ушах, и в один миг оказались они на дне озера.

— Я хочу тебе помочь советом, Оскюс-оол, — сказал ему краснолицый старик. — Смело иди во дворец Далай-хана. Ты ведь спас жизнь его дочери. Не бери у хана ни скота, ни добра. У ног хана увидишь маленькую рыжую собачку. Вот её и проси.

Пошёл Оскюс-оол по дороге, усыпанной золотым песком, и вскоре увидел юрту из белой парчи, да такую большую, что на девяти конях вокруг не об-

---

¹ Далай-хан — морской царь. В тувинских сказках он добрый, в отличие от злых земных ханов.

скачешь. Около юрты паслось множество скота.

Навстречу Оскюс-оолу выбежали ханские слуги и с почётом повели его в юрту. Там его уже ждал Далай-хан — старик с длинной чёрной бородой, в халате из зелёного тонкого шёлка.

Усадил он Оскюс-оола на белый девятислойный олбук¹ и стал угощать крепким чаем, сладостями и лепёшками. А потом приказал слугам:

— За то, что спас мою дочь, дайте Оскюс-оолу добра из моего добра, скота из моего скота!

— Не надо мне добра из твоего добра — негде мне его хранить. Не надо мне скота из твоего скота — негде мне пасти его. Подари мне лучше собачку, что у твоих ног лежит, — сказал Оскюс-оол.

Взглянул Далай-хан на собачку — заплакал, посмотрел на Оскюс-оола — засмеялся. Потом привязал собачку волосяной верёвкой, обнял Оскюс-оола, дал ему поводок в руки и велел краснолицему старику отвезти гостя на берег Золотого озера.

«Зачем я взял собачку? Какая от неё польза? Зря послушался я краснолицего старика», — подумал Оскюс-оол и отпустил собачку.

А собачка тотчас побежала в лес и вскоре вернулась обратно с зайцем в зубах.

«Умная собачка», — подумал Оскюс-оол, вдоволь наевшись жареной зайчатины.

Так каждый день собачка приносила ему то зайцев, то водяную дичь.

Однажды утром проснулся Оскюс-оол, смотрит — нет собачки. Опечалился он и отправился на поиски.

Следы привели к большой юрте. Робко вошёл Оскюс-оол в юрту и замер от удивления.

Видит — сидит на дорогом ковре Золотая царевна, а вокруг неё сияние, как от луны и солнца.

---

¹ Олбук — подстилка из войлока.

Чёрные косы царевны такие толстые, что руками не обхватишь, такие длинные, что не измеришь. А рядом лежит шкура рыжей собачки.

Нежно и звонко рассмеялась Золотая царевна при виде удивлённого Оскюс-оола:

— Не удивляйся, Оскюс-оол. Я единственная дочь Далай-хана. Ты спас мою жизнь, ты и будешь хозяином моей юрты. Садись, а я пойду за водой.

Взяла царевна серебряные вёдра и пошла к озеру.

Налил Оскюс-оол себе чаю из серебряного чайника, взял лепёшку. Ест-пьёт, а сам всё думает, как бы так сделать, чтобы не обернулась больше Золотая царевна рыжей собачкой, чтобы он всегда мог её красотой любоваться. Решил Оскюс-оол сжечь шкуру. Взял он её и бросил в огонь.

Вернулась Золотая царевна с водой, догадалась обо всём и сказала:

— Напрасно ты сжёг шкуру рыжей собачки, Оскюс-оол. В ней я скрывалась от недобрых глаз. А теперь нас могут разлучить злые люди.

— Не бойся, Золотая царевна, злых людей, когда я с тобой,— ответил Оскюс-оол.

И стали они счастливо жить-поживать.

Шло время, но Оскюс-оол помнил слова Золотой царевны.

И вот однажды охотился злой Караты-хан со своими слугами в чёрной тайге.

— День прошёл, ни одного зверя не убил! — сердился Караты-хан.— Убил только кедровку¹. Наверно, Оскюс-оол спугнул всех зверей.

Позвал Караты-хан двух слуг и приказал:

— Эй, слуги! Идите к Оскюс-оолу и зажарьте на его очаге кедровку, да посмотрите, как он живёт.

Оскюс-оол в это время ловил рыбу в Золотом

---

¹ Кедрóвка — птица отряда воробьиных, имеет тёмно-бурое оперение с белыми пестринами, питается кедровыми орехами.

озере. Пришли слуги Караты-хана к нему в юрту, увидели Золотую царевну, остолбенели от её красоты: слова вымолвить не могут. спрашивает их Золотая царевна:

— Что вы за люди? Зачем пришли? Почему молчите?

— Мы люди Караты-хана. Послал он нас в вашу юрту зажарить кедровку,— отвечают слуги.

— Ну что ж, делайте тогда своё дело,— сказала царевна и помешала угли в очаге.

Положили слуги кедровку в огонь да и забыли про неё: глаз с Золотой царевны не сводят. Сгорела кедровка, а слуги до захода солнца любовались царевной. Смотрят — наглядеться не могут.

— Пасмурное небо проясняется, гость домой возвращается,— сказала царевна.

— Забыли мы о приказании хана, глядя на вас,— отвечали слуги.— Убьёт он нас за это.

И стали слуги просить Золотую царевну помочь им в беде. Сжалилась над ними царевна, состряпала из муки и мяса кедровку.

— Отнесите вашему хану, но обо мне ничего не рассказывайте. Если проговоритесь, станете могильными камнями.

Вернулись слуги и с поклоном подали хану кедровку. Взглянул хан на неё и закричал:

— Худое это мясо и зажарено плохо! Ешьте сами.

Стали слуги есть да нахваливать кедровку. Глядя, как они едят, потекли и у хана слюнки.

— Говорят, охотник не должен отказываться от любой добычи,— сказал хан и отобрал кедровку.

Попробовал и чуть палец свой не откусил — таким вкусным показалось ему мясо. Ест хан кедровку и грозно спрашивает слуг:

— Что видели в юрте Оскюс-оола? Как он живёт?

От испуга забыли слуги наказ Золотой царевны,

начали наперебой рассказывать о её красоте. И тотчас превратились в могильные камни.

Хан стал думать, как бы отобрать у Оскюс-оола жену-красавицу.

«Зачем бедняку красивая жена? — думал злой хан. — Ей место в моей юрте», — и решил наутро поехать к Оскюс-оолу, посмотреть своими глазами на Золотую царевну.

А Оскюс-оол в это время вернулся домой довольный, с богатым уловом. Всё рассказала ему царевна про слуг хана. Пожалел тогда Оскюс-оол, что сжёг рыжую шкуру, и, опечаленный, лёг спать.

Утром, когда он опять ушёл к Золотому озеру, к его юрте подскакал Караты-хан. Вошёл он в юрту, увидел Золотую царевну, а вокруг неё свет, как от луны и солнца. И забыл хан, что нужно поздороваться.

Долго простоял он, так долго, что можно было успеть выпить семь заварок чая. Ноги у него затекли. Наконец он открыл рот и поздоровался.

— Какой странный хан! — сказала насмешливо Золотая царевна. — Приходит утром, а здоровается вечером.

Стыдно стало хану, выбежал он из юрты и помчался в свой аал. Потерял хан покой, есть-пить не может.

Однажды утром, едва занялась заря и верхушки гор стали золотиться от солнца, послал хан гонцов за Оскюс-оолом.

Привезли гонцы Оскюс-оола. Говорит ему хан:

— Хочу оказать тебе милость. Три дня и три ночи будешь жить в моей юрте, а я — в твоей.

Что делать? Ханскому слову не будешь перечить. Остался Оскюс-оол в юрте Караты-хана, стали ему прислуживать ханские слуги — еду подносить, араку¹ наливать. От всего отказался Оскюс-оол,

¹ Арака́ — напиток из кислого молока — хойтпáка.

думал он только о своей Золотой царевне. Даже ночью она ему снилась.

А Караты-хан в это время сидел в юрте Оскюс-оола и глаз не сводил с царевны. Не заметил, как день прошёл. Говорит Золотая царевна:

— Оскюс-оол никогда не забывал закрывать дымоход на ночь.

Выскочил хан из юрты, закрыл дымоход, а сойти с места не может. Это его царевна заколдовала. Так и простоял он всю ночь возле юрты.

Только утром хан смог вернуться в юрту, а Золотая царевна уже чай разливает и спрашивает:

— Где вы ночевали, хан?

— Юрту караулил, вас от злых людей оберегал,— солгал хан.

Опять весь день просидел хан в юрте, любуясь Золотой царевной. Вечером попросила его царевна прикрыть дверь юрты.

Схватился хан за дверь, а царевна тут его и заморозила. Всю ночь простоял он у двери.

Только утром смог отойти хан от двери. А Золотая царевна уже чай разливает и спрашивает:

— Почему вы спать не ложились?

— Всю ночь злые люди в юрту стучались, а я дверь держал,— опять солгал хан.

Вечером третьего дня говорит хану Золотая царевна:

— Покурите, хан, и ложитесь спать. Вы две ночи не спали.

Достал хан трубку и стал прикуривать от головешки, а царевна тут его и заморозила. Всю ночь просидел хан у очага. Только утром он раскурил свою трубку.

А Золотая царевна уже чай разливает и спрашивает.

— Почему вы всю ночь трубку курили?

— Я за очагом смотрел, чтобы в юрте тепло

было,— солгал хан и опять весь день глаз не сводил с Золотой царевны.

— Три дня прошло. Сейчас Оскюс-оол придёт. Расскажу ему о вашей заботе, хан,— говорит царевна, а сама смеётся.

Посрамлённый хан вскочил на коня и пустился во весь дух в свой аал. Вошёл в юрту и закричал на Оскюс-оола:

— Пошёл вон, несчастный! Завтра на тебя пойду войной!

Вернулся опечаленный Оскюс-оол домой. Рассказала Золотая царевна, как она хана проучила. Рассмеялся Оскюс-оол, а потом вспомнил про угрозу хана и загрустил опять.

— Что случилось, Оскюс-оол? — спросила его царевна.

— Завтра Караты-хан на меня войной пойдёт.

— Спешу к Золотому озеру и попроси у Далай-хана помощи! — воскликнула Золотая царевна.

Поскакал Оскюс-оол к Золотому озеру и стал просить помощи.

Услышал его просьбу Далай-хан. Выскочил из озера на чёрном коне слуга хана и подал Оскюс-оолу железный ларчик.

Удивился Оскюс-оол: «Какая польза от этого маленького ларчика, если Караты-хан на меня войной идёт?» — но всё же повёз ларчик Золотой царевне.

Рано утром, когда занялась заря и верхушки гор стали золотиться на солнце, услышал он шум и вышел из юрты. Видит — войско Караты-хана пришло и кольцом окружает его аал. Сказал он об этом Золотой царевне, а та успокаивает:

— Не бойся. Садись чай пить.

Вскоре слышит Оскюс-оол — шум стал ещё сильнее. Выбежал опять из юрты и увидел: войско Караты-хана в два кольца окружило его аал.

Громко сказал он об этом Золотой царевне, а та успокаивает:

— Не бойся. Пей чай.

Не успел Оскюс-оол одну чашку выпить — раздался шум сильнее прежнего. Как стрела, вылетел Оскюс-оол из юрты и видит: войско Караты-хана в три кольца окружило его аал. Закричал тогда Оскюс-оол:

— Золотая царевна! В три кольца окружило нас войско Караты-хана!

— Вот теперь время, — сказала Золотая царевна и открыла железный ларчик.

Оттуда стали выскакивать железные воины с красными и чёрными палицами.

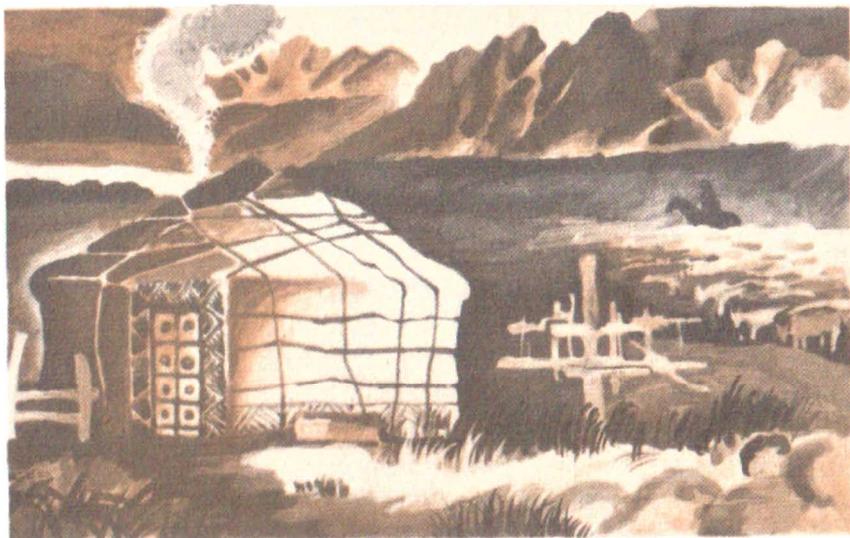
— Разгоните войско Караты-хана и вернитесь опять в ларчик! — приказала Золотая царевна железным воинам.

Успокоился Оскюс-оол при виде железного войска и пошёл в юрту чай допивать.

Железные воины быстро разогнали войско Караты-хана.

Долго и счастливо жил Оскюс-оол со своей Золотой царевной. И скота у них становилось всё больше и больше.

ОСКЮС-ООЛ И ДИЛГИЖЕК

ыло это давным-давно, когда озеро Сут-Холь¹ было ещё маленькой лужей, а гора Сюмбер-Ула² — маленькой сопкой.

Жил-был бедный пастух Оскюс-оол. Не было у него ни отца, ни матери. Пас он и в жару и в холод овец Караты-хана, у которого добра было выше плеча, а скота — выше головы. Летом Оскюс-оол пил сыворотку, а зимой ел ханские объедки. На глазах его слёзы не высохали, с сердца печаль не сходила.

Вот как жил бедняк Оскюс-оол!

Однажды случилась беда: маленький ягнёнок споткнулся о камень и сломал ногу.

— Убьёт меня Караты-хан. Отрубит он мои руки

¹ Сут-Холь — дословно: молочное озеро.

² С ю м б е р - У л а́ — мифическая гора, часто упоминаемая в тувинских сказках.

вместе с рукавами, снимет мою голову вместе с шапкой,— заплакал Оскюс-оол.

Стоит он, понурив голову, и думает: «Не уйти мне от ханской сабли, не спастись от ханского бича».

В это время пробежал мимо красный лис — Дилгижék. Увидел Оскюс-оола и спрашивает:

— Что ты плачешь, Оскюс-оол?

— Как же мне не плакать? Я пасу ханских овец, а ягнёнок ногу сломал. Некому за меня заступиться, не быть мне теперь в живых.

— Как некому за тебя заступиться? А я на что? Положись на меня, и я помогу. Надо тебе жениться на царевне Билиг, дочери Курбусту-хана, владыке небесного мира, в этом твоё спасение.

— Опомнись, Дилгижек! Что ты говоришь? Мне такое и во сне не приснится. Это всё равно что рукой небо достать.

— Ничего, это уж моё дело. Я побегу к Курбусту-хану, а ты жди меня здесь.

В небесный мир к Курбусту-хану можно было попасть только по радуге. Прыгнул Дилгижек на семицветную радугу и побежал в аал Курбусту-хана.

Прибежал он в юрту Курбусту-хана, низко поклонился и говорит:

— Здравствуй, Курбусту-хан. Пришёл я от Караты-хана. Хочет он женить своего сына на твоей дочери.

— Ну что ж,— ответил хан,— я не прочь породниться с богатым человеком. Веди ко мне жениха.

Обрадовался Дилгижек, побежал к Оскюс-оолу и принялся купать его в тёплой воде до тех пор, пока не стал тот красивым и стройным, как пихта.

Довольный Дилгижек взял его с собой, и по семицветной радуге они поднялись к Курбусту-хану.

Перед аалом хана Дилгижек говорит Оскюс-оолу:

— Подожди меня здесь. Побегу добывать тебе одежду.

Вбежал Дилгижек к хану и заревел во весь голос:

— Ой, беда пришла! Осталась моя шея без головы.

— Что случилось? — испугался хан.

— Не смею доложить,— плачет хитрый Дилгижек.— Не знаю, как и сказать. Вы знаете, что ноги у меня лёгкие, на слова я красноречив и сам не промах. Я уже передал твой ответ Караты-хану. Отправились мы с женихом в путь; и застал нас в дороге ливень — промочил одежду жениха. Как же в таком виде ему вам показаться на глаза? Что делать теперь, хан?

— Эй, слуги! — закричал хан.— Принесите самую лучшую одежду для сына Караты-хана.

Побежал Дилгижек проворно к Оскюс-оолу, нарядил его в чёрную соболью шапку, синий

шёлковый халат, в чёрные идьки¹. Подпоясал его алым шёлком и наказал ему:

— Смотри не забудь: твой отец Караты-хан и имя твоё Чечён-Тажы. Держись гордо, до земли не кланяйся.

Вошли они в юрту Курбусту-хана. С почётом хан встретил гостей, стал угощать дорогими кушаньями. Понравился ему Оскюс-оол:

— Двум ханам надо породниться. Пусть Чечен-Тажы остаётся у меня, а ты, Дилгижек, беги к Караты-хану. Скажи, чтобы ждал нас через три дня.

— Хорошо, хан, исполню. Только разрешите сказать Чечен-Тажы два слова с глазу на глаз.

Вышли они из юрты. Дилгижек и говорит:

— Ну, Оскюс-оол, всё идёт хорошо, но дел впереди ещё много. Я твой названный брат — шестерых обхитрил, пятерых обвёл. Ты только не бойся. Это тебе мой наказ.

И Дилгижек побежал прямёхонько в аал Караты-хана. Вбежал он в белую ханскую юрту, хвост опустил, уши пугливо прижал, сам весь дрожит и визгом визжит.

— Что случилось, Дилгижек? — перепугался хан.

— Был я в верхнем мире у Курбусту-хана, — говорит Дилгижек. — В великом гневе хан и грозитя: «Не оставлю ничего живого! Молнией всё сожгу!» Вот я и мечусь, не могу найти, где нам с тобой спрятаться. А я не придумаю — никто не придумает.

Задрожал хан от страха, зубами стучит, слезами обливается — помощи просит.

А Дилгижеку только того и надо:

— Выйди, хан, из юрты — посмотри на небо.

Вышли они. Видит хан, огромная туча надвигается.

---

¹ Идъки — тувинская национальная обувь из мягкой кожи.

— Это Курбусту-хан спешит,— говорит Дилгижек.

Кинулся Караты-хан перед ним на колени и ещё сильнее помощи запросил:

— Надумал! — радостно закричал Дилгижек. — Выкопай за аалом яму в семьдесят сажен и отправляйся туда со своей свитой. Прикажи подвезти к яме валун на ста верблюдах и завалить им вход. А потом я тебя вызволю оттуда.

Ударил хан в большие барабаны — собрал народ и приказал яму выкопать. Спрятался хан со свитой в этой яме и приказал вход большим валуном завалить.

Обратился тогда Дилгижек к людям:

— Караты-хан держал вас только на сыворотке, хоть добра у него выше плеча, скота выше головы. Когда он зол бывает — голову с плеч снимает. Когда злость пройдёт — только кровь сосёт. Пусть пастух верблюдов старый Сал-Буурул будет ханом, а Оскюс-оол — его сыном:

Согласился народ.

Через три дня по семицветной радуге Курбусту-хан вместе с женихом и невестой спустился в аал Караты-хана.

Три дня, три ночи все веселились и праздновали свадьбу Оскюс-оола с царевной Билиг. Больше всех веселился Дилгижек.

На другой день после свадьбы налетела чёрная туча. Засверкали молнии и разбили валун в прах. Не осталось от злого хана и следа.

Долго и счастливо жил Оскюс-оол с царевной Билиг.

СТАРИК АДЫГАН

давние времена на южном склоне Арзайты-горы жил-был старик Адыган. Было у него девять удалых сыновей — смелых охотников.

За Арзайты-горой жил Караты-хан — хозяин жёлтой степи. Однажды случилась у хана беда — исчезла самая младшая, самая красивая дочь.

Позвали на помощь шамана и ламу¹. После большого камланья² шаман сказал:

— Может, и найдётся ваша дочь, только нужны богатые приношения.

Посмотрел лама в молитвенник и говорит:

¹ Л а м а — служитель буддийского храма.

² К а м л а н ь е — магическое заклинание, к которому обычно прибегают шаманы.

— Может быть, и отыщётся ваша дочь, если принести большие дары.

Собралась перед ханской юртой толпа. Толкуют, как найти дочь хана.

Вышел вперёд дряхлый старик:

— Шаман и лама ничем не помогут. Вашу дочь найдут только сыновья старого Адыгана.

Обрадовался хан и приказал своим слугам привести самого Адыгана.

— Так нельзя, хан,—остановил его старик.— Адыган и его сыновья очень сильны и не любят, когда им приказывают, лучше попросите их.

Рассердился хан, но делать нечего — найти надо дочь. Послал он слуг с подарками к Адыгану.

Удивился старик Адыган, когда пришли к нему ханские слуги, поклонились низко, поднесли подарки и стали просить явиться к хану.

«Что-то случилось у хана. Неспроста он стал таким добрым»,—подумал Адыган и пошёл к хану.

С большим почётом принял его хан — угощал вкусной едой, в чашу араки ему сам подливал. А потом сказал:

— Пропала у меня самая младшая, самая красивая дочь. Найти её могут только твои сыновья. Помоги мне, а я тому, кто найдёт, отдам свою дочь в жёны, дам много добра из своего добра и скота из своего скота.

— Хорошо, поговорю со своими сыновьями,—ответил Адыган хану и вернулся в свой аал.

Позвал он сыновей и сказал им такое слово:

— Стар я стал, дети мои. Могу скоро умереть — если завтра, то рано утром, если сегодня, то поздно вечером. Дарю напоследок я вам свои дорогие стрелы. Возьмите по стреле и скажите мне, кто на что способен.

Взял стрелу старший сын и говорит:

— Я могу найти букашку по следу, которому семь лет.

Взял стрелу второй сын и говорит:

— А я могу увидеть иголку, будь она на краю неба и земли.

Взял стрелу третий сын и говорит:

— Могу поднять самого большого сарлыка¹ и унести его на край света.

Взял стрелу четвёртый сын и говорит:

— Я могу в один миг забраться на самую высокую скалу.

Взял стрелу пятый сын и говорит:

— Я могу вытащить перо из хвоста сороки так, что она и не почувствует.

Пришла очередь шестого сына. Взял он стрелу и долго любовался ею. Потом сказал отцу:

— Я такой стрелой могу попасть в глаз любому зверю, где бы он ни находился. Буду беречь, отец, твою стрелу, не истрачу её попусту.

Взял стрелу седьмой сын и говорит:

— Я могу поймать камень, падающий с неба.

Взял стрелу восьмой сын и говорит:

— Я могу в один миг построить такой шалаш, в котором поместится даже юрта Караты-хана.

Поднялся самый младший сын, взял стрелу и говорит:

— Я могу быстрее крота вырыть ход под землёй.

Выслушал сыновей Адыган и сказал так:

— Сильны вы все вместе. Живите дружно, и будет у вас всегда удача. Был я у Караты-хана. Пропала у него самая младшая, самая красивая дочь. Тому, кто найдёт её, отдаст в жёны. Найдите её, сыны мои. Кто-нибудь из вас женится на дочери хана, для всех остальных будет она невесткой.

Согласились дети Адыгана искать ханскую дочь и направились вместе с отцом к хану. Приветливо

---

¹ Сарлык — як, крупное жвачное животное с длинной шерстью и рогами.

встретил их хан, стал потчевать, как дорогих гостей.

Потом старший брат пошёл по следам ханской дочери. Следы привели к белому камню и там обвалились.

— Здесь,— сказал он братьям,— девушку подняли в небо.

Второй брат приложил ладонь к глазам и стал смотреть во все стороны. Потом сказал братьям:

— На юге, на краю неба и земли, вижу утёс у солнца, там гнездо злой птицы Хан-Херети. Из гнезда видна голова девушки.

Тогда взял третий брат всех на руки и понёс к подножию высокого утёса. Четвёртый брат забрался на утёс и быстро спустился вниз.

— Девушка там,— сказал он братьям,— но птенцы Хан-Херети могут заклевать нас.

После этого посадил он на плечи пятого брата и поднялся с ним на утёс.

Пятый сын Адыгана вынес девушку так незаметно, что птенцы Хан-Херети ничего не заметили.

Вдруг, откуда ни возьмись, появилась сама Хан-

Херети, схватила она двух братьев и девушку и подняла их высоко в небо. Выдернул шестой брат из колчана отцовскую стрелу и подстрелил средний коготь Хан-Херети. Закричала от боли хищная птица и выпустила из когтей свою добычу. Тут выбежал вперёд седьмой брат и поймал их у самой земли.

Хан-Херети в ярости бросилась вниз, чтобы заклевать братьев. Тогда восьмой брат в один миг построил большой шалаш, и все спрятались в нём, а Хан-Херети со злобным криком летала вокруг. Младший брат быстро проложил подземный ход и вывел всех далеко от утёса.

Обрадовался хан, когда увидел свою дочь живой и невредимой, стал расспрашивать, кто спас её. Каждый из братьев считал себя спасителем.

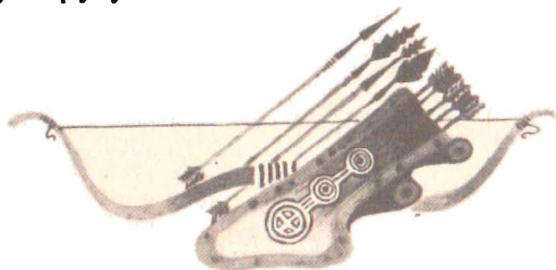
Тогда позвали самого мудрого старика. Он решил так: сыновья Адыгана спасли ханскую дочь. Если бы не было хоть одного из них, то девушка погибла бы. Но трудился больше всех — копал землю — младший брат. Ему и быть зятем хана.

Мудр был старик, но дочь хана не согласилась с ним.

— У всех братьев остались стрелы, которые оставил им отец в наследство. Только у шестого брата нет больше стрелы, пустил он её в Хан-Херети. За него и выйду замуж, — сказала самая младшая и самая красивая дочь хана.

Женился шестой сын старика Адыгана на дочери хана, а добро и скот разделил между братьями.

Давно умер старый Адыган, а род его живёт дружно. Внуки и правнуки Адыгана всегда помогают друг другу в беде.

ХИТРЫЙ И БОГАТЫЙ

старые времена на реке Чинге-Кара-Хем жили два человека: Аргалыг и Кучулуг.

У Аргалыга не было ни добра, ни скота; но был он находчивый, хитрый и ловкий.

А Кучулуг был богатый, да глупый.

Однажды голодный Аргалыг отправился в гости к богачу. Заходит он и видит: сидит Кучулуг на мягкой кошме, чай пьёт со сладким борзаком¹, потом обливается да отдувается.

Говорит он Аргалыгу:

— Слышал я, что ты большой хитрец. Попробуй обмани меня. Я тебя за это накормлю.

Согласился Аргалыг:

— Хорошо, только дай мне коня, я свою хитрость дома забыл.

¹ Борзак — жареные шарики сдобного теста.

Приказал Кучулуг дать ему коня. Вскочил Аргалыг на него и ускакал. Ждёт Кучулуг не дожждётся, когда Аргалыг свою хитрость привезёт. Прошло три дня — ни слуху ни духу. Не вытерпел Кучулуг, сам отправился к Аргалыгу.

Зашёл он в юрту, а там сидит Аргалыг — за обе щеки мясо уплетает.

— Ты чего не едешь? — накинулся на него Кучулуг.

Засмеялся Аргалыг:

— Ты же хотел, чтобы я тебя обманул. Я так и сделал. Жеребца твоего уже доедаю.

Сильно рассердился Кучулуг — поджёл его юрту.

Сгорела юрта у Аргалыга, остался один пепел.

Собрал Аргалыг пепел в мешок и отправился к Караты-хану.

Идёт по аалу и мешок к груди прижимает, будто сокровище. Увидели это ханские дочери и окружили его — просят показать, что у него в мешке.

— Не могу этого сделать, — отбивается от них Аргалыг. — У меня там юрта.

Любопытно узнать ханским дочерям, как это юрта может в мешке поместиться.

Стали они наперебой упрашивать Аргалыга. А он упрямится:

— Оставьте вы меня, бедного, без юрты. Ведь если красавица взглянет на неё — юрта сразу в пепел обратится.

Очень хочется девушкам узнать, кто из них красавица. Пуще прежнего стали они умолять:

— Дай нам посмотреть. Если юрта в пепел обратится, наш отец новую тебе поставит.

Развязал Аргалыг мешок. Кинулись к нему девушки, лбами стукнулись, глядь — а там пепел.

— Значит, мы красавицы! — обрадовались они и упростили хана поставить Аргалыгу новую юрту.

На другой день приехал Кучулуг посмотреть,

как горюет Аргалыг. Глядь — а у того новая юрта стоит.

Сильно удивился Кучулуг.

— Слушай, Аргалыг, я же твою юрту сжѐг, откуда у тебя новая юрта? — спрашивает он.

А тот смеётся:

— Я собрал пепел и понѐс Караты-хану. У него скот заболел. Пеплом вылечили. Он мне за это юрту поставил. Говорят, у него опять скот болеет. Собираю новую юрту жечь.

Ударил коня плѣткой Кучулуг и поскакал к себе в аал. Сжѐг свою юрту, собрал быстро пепел и явился к Караты-хану.

— Здравствуйте, хан! Слышал я, что скот у вас заболел. Вот вам пепел для лечения.

Разгневался Караты-хан:

— Ты что, проклятый, захотел погибели моему скоту? — И приказал хан избить в наказание глупого Кучулуга.

Тот еле домой дотащился.

На другой день прибежал Кучулуг к Аргалыгу, схватил его, связал и посадил в мешок, только голова торчит.

— Ну, теперь ты от меня не уйдѐшь, обманщик. Сожгу тебя!

— Конечно, не уйду, ты меня понесѐшь, — говорит Аргалыг. — Только носи меня на распутье семи дорог и сожги меня на костре из можжевельника, потому что я святой человек.

Притащил его Кучулуг на распутье семи дорог, подвесил мешок на дерево, а сам пошѐл в тайгу можжевельник искать.

Сидит Аргалыг, во все стороны поглядывает — не едет ли кто. Смотрел, смотрел и наконец увидел: едет по дороге на вороном коне одноглазый хан в чѐрном шёлковом халате.

Закрыл скорей Аргалыг один глаз и уставился в небо. Подъехал хан ближе и спрашивает:

— Ты чего здесь висишь? Кто тебя подвесил?
Отвечает Аргалыг:

— Вот уже седьмой день я здесь. Глаза одного у меня нет. С неба сегодня он должен упасть. Вот я и жду.

— Пусти меня на своё место,— стал умолять его одноглазый хан.

— Нет, нет,— отвечает хитрый Аргалыг,— мне самому глаз нужен.

— Слушай, парень. Я хан, а ты простой человек, мне глаз нужнее. Я тебе дам за это своего коня и одежду. Только пусти меня на своё место.

Долго упрашивал хан.

Наконец Аргалыг согласился. Снял его хан с дерева, отдал ему свою одежду, а сам забрался в мешок. Аргалыг подвесил мешок на дерево и усакал на ханском коне.

Усталый и злой вернулся Кучулуг из тайги.

— Какой святой нашёлся! Чтоб тебе сгореть, проклятый, на этом можжевельнике! — ругался Кучулуг.

Прислушался он, а из мешка доносится бормотание.

Засмеялся Кучулуг:

— Молись не молись — теперь не выкрутишься, всё равно сожгу! — и развёл под мешком огонь.

Испугался хан и закричал:

— Я хан. Потуши огонь.

— Молчи, проклятый, всё равно сгоришь! — ответил Кучулуг и уехал.

На другой день отправился Кучулуг в аал Аргалыга за его юртой. Смотрит, а около коновязи стоит вороной конь в серебряной сбруе.

«Что это за человек сюда приехал?» — подумал Кучулуг, вошёл в юрту и глазам своим не поверил.

Сидит на ковре Аргалыг в красивой шёлковой одежде. Опомнился Кучулуг и спрашивает:

— Я же тебя сжёг. Откуда ты опять взялся?

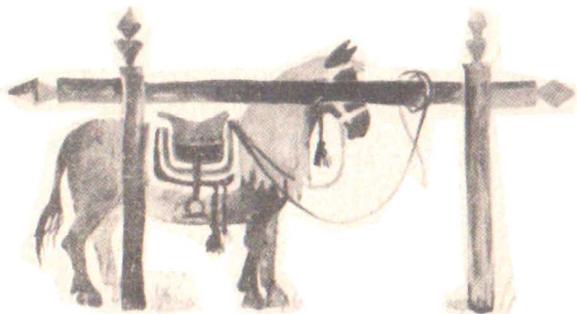
Отвечает весело Аргалыг:

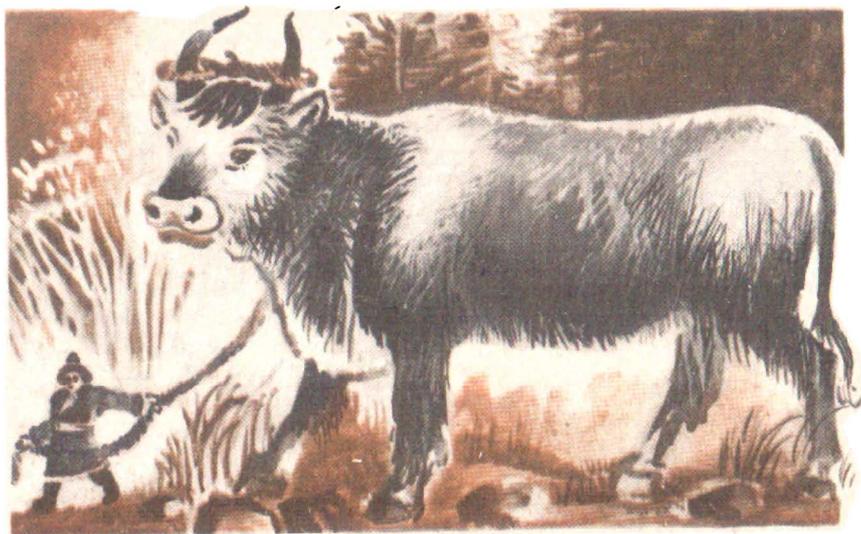
— Я был в стране чертей. Там черти добро делили. Мне вот красивую одежду да коня со сбруей дали и тебе оставили.

Стал просить его жадный Кучулуг:

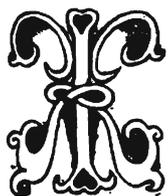
— Тогда сожги и меня, пожалуйста, скорей, послужи мне.

Услужил ему Аргалыг и стал себе спокойно жить-поживать.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

ил-был бедный старик Карá-Сал. У него был маленький сын, ростом с пальчик,— Эргектэй-оол. Недалеко от них жил жадный Караты-хан.

Однажды, когда в юрте не осталось ни горсти тары¹, ни чашки молока, старик Кара-Сал сильно запечалился. Тогда Эргектей-оол решил сам раздобыть что-нибудь. Ночью он потихоньку увёл из стада Караты-хана самого жирного быка.

Проснулся утром Караты-хан — нет быка. Осмотрел хан следы вокруг загона и отправился со слугой к чёрной юрте Кара-Сала.

Приходит в юрту старика и давай грозить:

— Проклятый вор, ты мне заплатишься своей шкурой за моего быка.

¹ Т а р á — жареное просо.

— Помилуй, Караты-хан, я не крал ничего,— отвечает старик.

Бросился хан с кулаками на старика.

Закричал тогда Эргектей-оол:

— Не трогай отца. Это я увёл быка. С меня и спрашивайте.

Хан не поверил мальчику:

— Как могла такая кроха увести моего быка?

Эргектей-оол клянётся:

— Нет, правда, это я увёл.

Усмехнулся хан, подумал немного и говорит:

— Ну, если так — докажи мне, что ты на самом деле такой ловкий. Выкрадешь сегодня ночью у меня жемчужину — поверю и прощу. Не сумеешь — голову отцу твоему снесу.

Вернулся Караты-хан в свой аал и начал готовиться. В три кольца окружило войско аал хана. Около привязи хан поставил двух злых верблюдов. У входа в юрту посадил двух злых собак. В юрте двое лам сели по одну сторону, два шамана — по другую. На юрту забралась два человека с ковшами масла, чтобы подливать его в огонь. Сам хан лёг посередине юрты и думает: «Охрана у меня надёжная. Поймает воришку». Вскоре он захрапел на весь аал. Услышали ламы этот храп, и одолела их зевота — спать хочется. «Сосну-ка я немного, ведь у меня есть напарник», — подумал каждый из них, и заснули все.

Эргектей-оол только того и ждал. Тихо подкрался он к уснувшим воинам и попарно связал их всех за косы¹. Бросил верблюдам по комку их любимого лакомства — солонца, они и пропустили его. Кинул он двум собакам по куску мяса, — и они его не тронули. Вошёл в юрту и накрыл лам тёплой овечьей шкурой, а в ноги шаманам положил ягнён-

---

¹ Раньше мужчины-тувинцы спереди на голове волосы сбрывали, а сзади заплетали косичку.

ка, чтобы крепче спалось им в тепле. Потихоньку забрался Эргектей-оол на юрту, выплеснул масло из ковшей и налил туда воды.

Потом подкрался Эргектей-оол к хану и стал искать жемчужину. Никак найти не может. Вдруг он заметил, что хан дышит одной ноздрёй. «Вот она где, жемчужина!» — догадался мальчик. Взял он соломинку и принялся щекотать у хана в носу. Караты-хан чихнул, и из носа на ладонь мальчика выкатилась жемчужина. Эргектей-оол схватил её и выбежал из юрты.

Посмеиваясь, оседлал он лучшего ханского скакуна и громко закричал:

— Пожар! Пожар!

Все сразу проснулись. В темноте поднялся крик и шум, а Эргектея уже и след простыл.

Хан вскочил и завопил:

— Стража, держи Эргектей-оола!

А воины подняться не могут — косы у всех связаны. И ну ругать друг друга:

— Ты меня привязал!

— Нет, ты меня!

Началась драка.

А в юрте ламы шкуру друг у друга отнимают.

— Это моя шкура! — кричит один.

— Нет, моя! — кричит другой.

Шаманы бубнами друг друга по голове бьют:

— Это мой ягнёнок!

— Нет, мой!

В темноте по ошибке и хану досталось.

«Что такое творится?» — напугался он и приказал:

— Эй, наверху! Быстро масла в огонь!

Стали сверху наливать, а вода и совсем затушила огонь. Еле утра дождались.

А у старого Кара-Сала ярко пылал очаг в юрте, и мальчик играл жемчужиной, перекатывая её из ладони в ладонь.

БОРАЛДАЙ

авным-давно, когда озеро Сут-Холь было ещё маленькой лужей, а гора Сюмбёр-Улá — маленькой сопкой, жил-был старик Боралда́й. Не было у него ни скота, ни юрты. Бродил он от аала к аалу. Где голоден был — там и дня не задерживался, а где сыт бывал — там девять ночей ночевал.

Однажды сбился старик с пути и долго блуждал в поисках аала.

Идёт Боралдай, усталый и голодный, еле ноги волочит. Вдруг видит — бежит с гор шумливая речка, а на берегу её много овечьих следов. «Большой аал близко», — обрадовался старик. Вскоре он заметил чёрную, словно кочка, юрту. Зашёл в неё Боралдай и увидел у огня старуху.

Налила старуха ему чаю без молока¹ и спросила:

— Откуда идёшь, куда путь держишь?

— Иду оттуда, где был. Иду туда, где ещё не был. Скажи, старая, кто здесь стоял стойбищем?

— Здесь было стойбище Караты-хана. За глоток молока и за горсть просяной шелухи — хевэка служила я хану. Однажды невесть откуда налетел злой дух — одноглазый Шулбус и стал пожирать скот. Хан испугался и откочевал, а меня, старую, бросил.

— Не боишься, что Шулбус тебя съест?

— Я его обману. Как зайвится он в мою юрту, один глаз закрою. Увидит Шулбус, что я тоже одноглазая, и уйдёт прочь, — сказала старуха.

Попросил Боралдай:

— Расскажи мне, как найти дорогу к ханскому аалу.

— Сначала иди в гору. На перевале будет развилка. Так ты иди по правой дороге. А по левой дороге смотри не ходи, — сказала старуха.

Взобрался Боралдай на гору и видит: вправо идёт узкая тропка, а влево — широкая дорога.

«Ошиблась старуха», — подумал Боралдай и пошёл по широкой дороге.

Долго ли, коротко ли шёл Боралдай, наконец встретились ему большие отары чёрных овец. Стал он искать пастуха и вдруг увидел Шулбуса. Остолбенел от страха Боралдай, а Шулбус свирепо посмотрел на него одним глазом и приказал:

— Гони-ка, старик, моих овец к большому камню у подножия горы.

Согнал старик овец к большому камню, величистой с целую корову, и ждёт, что дальше будет?

Откатил Шулбус камень и столкнул Боралдая в яму. Летит старик вниз, а за ним следом овца за овцой падают. Упал Боралдай на дно ямы, смот-

¹ Чай без молока — это для тувинцев считалось признаком крайней бедности.

рит: с одной стороны — большой очаг, а с другой — хёне: привязь для ягнят и козлят.

Последним в яму спустился Шулбус и велел Боралдаю привязать овец к хёне. Потом Шулбус подал старику большую жаровню.

Обрадовался старик, думает — прикажет Шулбус барана зажарить. А Шулбус говорит:

— Накали жаровню. Когда она станет красной, как кровь, скажи мне. Я изжарю тебя и съем.

Сказал и лёг к очагу.

Старик стал жаровню греть, а сам горюет. «Не видать тебе, Боралдай, больше света белого, не ходить тебе по горам и степям».

— Ну, как, раскалил докрасна? — закричал Шулбус.

— Нет, ещё рановато, — отвечает старик.

Через некоторое время опять Шулбус кричит, да громче прежнего:

— Готова жаровня, старик?

— Нет, рановато, — твердит своё Боралдай, трясь от страха.

Поднялся Шулбус и увидел, что жаровня, как кровь, красная. Хотел Шулбус схватить старика, но тот метнул в него жаровней и выжег ему единственный глаз. Закричал Шулбус диким голосом и стал старика ловить, но никак поймать не может.

Догадался тогда Шулбус, что Боралдай среди овец спрятался, и стал он их из ямы одну за другой выкидывать. Всё меньше остаётся овец. Не знает Боралдай, как ему спастись. Видит — последний баран остался. Бросился старик к нему под ноги и крепко уцепился за шерсть. Шулбус и выбросил его вместе с бараном наверх.

Так очутился Боралдай на свободе. Собрал он всех овец и погнал к хозяйке бедной юрты.

Остался Боралдай у старухи, и стали они жить без нужды и горя. А слепой Шулбус до сих пор бродит по свету, ищет Боралдая, да найти не может.

КАША В КУВШИНЕ

Лоздним зимним вечером шёл бродячий лама. За плечами у него был старый мешок с молитвенными книгами. Лама посматривал на юрты, над которыми вились дымки от очага, и принюхивался, откуда пахнет вкуснее.

Вдруг запахло пшённой кашей, и лама свернул к ближней юрте.

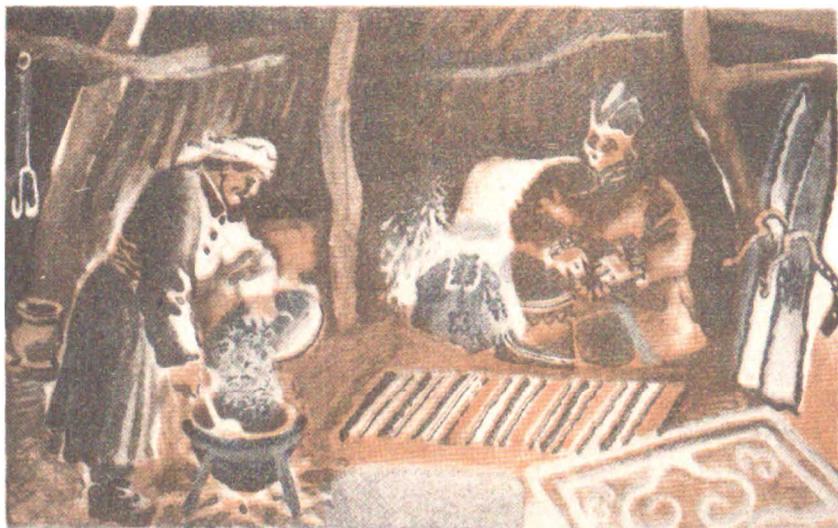
Собака с громким лаем бросилась на ламу и сбила его с ног.

Лама упал в снег и закричал:

— Люди добрые, помогите! Спаси-и-ите-е...

Отбиваясь от собаки ногами, он всё глубже и глубже зарывался в рыхлый снег. Собака хватала его за ноги и лаяла ещё громче.

Из юрты выбежала хозяйка, отогнала собаку, помогла подняться толстому, неуклюжему ламе, от-

ряхнула от снега его жёлтый халат. Зашёл лама в юрту и жадными глазами уставился на котёл, в котором варилась густая пшённая каша.

Лама сел поближе и стал чётки свои перебирать. Хозяйка хлопотала у огня. Помешала она кашу деревянной поварёшкой, посолила круто и вышла.

Прибежала в юрту девочка с чашкой соли, всыпала соль в котёл с кашей, лукаво усмехнулась и выбежала.

Немного погодя вошёл хозяин, всыпал чашку соли в кашу и тоже за дверь.

Злится голодный лама: «Как есть человеку такую солёную кашу? Пусть дадут своей корове, это ей полезно есть солёное».

Когда все собрались, хозяйка взяла чашки и наполнила их кашей. Лама нахмурился и говорит:

— Мне чуть-чуть положите, я сыт.

Хозяйка подала ему маленькую чашку с кашей. Попробовал лама и чуть свой палец не откусил — каша-то была с сахаром! Голодный лама не заметил, как проглотил её. Все наелись, один он не

наелся. Хозяйка собрала остатки горячей вкусной каши, переложила из котла в кувшин и поставила на полку.

Скоро в юрте все заснули. Не спит только голодный лама, вспотел даже от волнения. Тихо поднялся, схватил кувшин с кашей. Кувшин был ещё горячий, и лама обрадовался. Он сунул руку в кувшин, набрал пригоршню каши, потянул обратно, а ручища застряла — ни назад, ни вперёд. Зажал он кувшин между коленями, и так и сяк — вытащить руку не может. А горячая каша жжёт больно, до костей доходит.

Выскочил лама из юрты и обеими руками хлоп кувшином по какому-то чёрному камню. Камень как подскочит, как залает, завизжит! А кувшин цел остался.

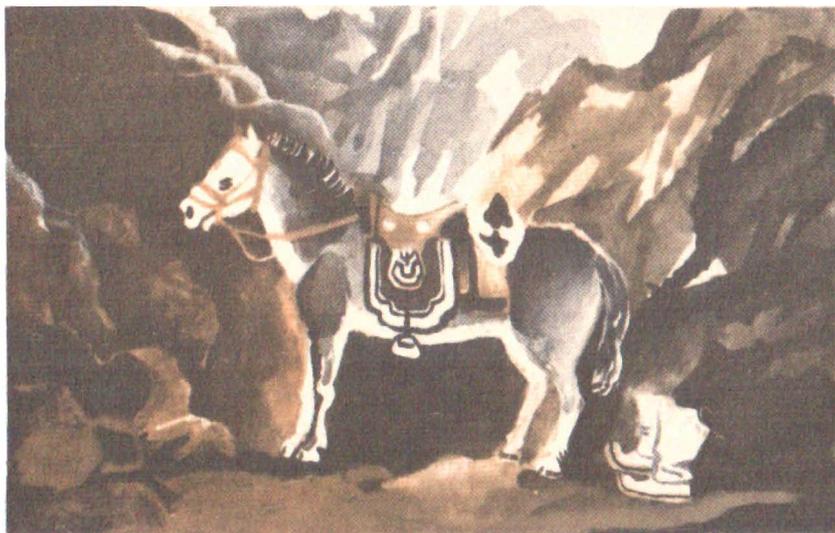
Побежал лама дальше, видит: лежит на пути большая тёмная горка. Хлоп кувшином по горке — а то оказался верблюд, тот как заревёт и плюнул на обидчика! А кувшин опять цел остался.

Лама испугался и бросился прочь от верблюда. Добежал до овечьего загона и хотел здесь разбить кувшин с кашей. Ударил по столбу, проснулись пастухи:

— Вор! Держи его! — и кинулись к нему.

Пустился лама от них без оглядки, задохнулся от быстрого бега и упал замертво.

ХЕВЕРИК

стародавние времена жил-был бедный старик. Было у него три сына. Когда настало время старику умирать, позвал он сыновей и говорит:

— Пришёл мой последний день. Как умру, вы три ночи поочерёдно побудьте со мной напоследок, а потом схороните на перевале Арзайты-горы.

Старшие сыновья принялись уверять старика, что они исполнят его волю. Младший сын ничего не сказал, только молча смахнул рукавом халата слезу. Жалко ему стало старого отца.

На другой день старик умер. Отнесли его братья на перевал. Приходит ночь — надо старшему брату к отцу идти, а ему лень. Вот и говорит он младшему — Хеверыку:

— Посиди вместо меня, я тебе дам за это новый халат.

Согласился Хеверик и пошёл на гору. Сидит около старика и горюет. Вдруг старик приподнял голову и спрашивает:

— Это ты, мой старший сын?

— Нет, отец. Это я — твой младший сын Хеверик.

— Хотел я старшему сыну слово сказать, но раз его нет, тебе скажу. На берегу речки Чинге-Кара-Хем возвышается Сарыг-Хай — Жёлтая скала. Как нужда будет, подойди и крикни: «Сарыг-Хая, откройся-раскройся!» Там найдёшь ты коня Сарыг-Калчана, халат из жёлтого шёлка, жёлтые идыки и шапку из соболя.

Вернулся утром Хеверик в юрту и стал требовать у старшего брата обещанный халат, но тот побил его и прогнал.

Наступила вторая ночь. Среднему брату тоже не хочется на перевал идти. Вот он и говорит Хеверiku:

— Плохой у нас старший брат. Он обманул тебя и побил. Посиди за меня эту ночь у старика. Я тебе подарю два халата.

Согласился Хеверик и пошёл на гору. Сел возле отца и горюет. Вдруг старик приподнял голову и спрашивает:

— Это ты, мой средний сын?

— Нет, отец. Это я — Хеверик.

— Хотел я среднему сыну слово сказать, но раз его нет — тебе скажу. На берегу речки Кара-Хем возвышается Хурэн-Хай — Коричневая скала. Как нужда будет, подойди и крикни: «Хурен-Хая, откройся-раскройся!» Там найдёшь ты коня Хурэн-Калчана, халат из коричневого шёлка, коричневые идыки и шапку из соболя.

Утром Хеверик пришёл в юрту к среднему брату за халатами, но тот его побил ещё сильнее, чем старший брат, и прогнал.

Наступила третья ночь. Сидит возле отца Хеверик и горюет. Вдруг старик поднял голову и спрашивает:

— Это ты, мой младший сын?

— Да, отец. Это я — Хеверик.

— Ты один исполнил мою волю. Будешь ты долголетним, как я, и будет тебе счастье. На берегу речки Кара-Хем возвышается Карá-Хая — Чёрная скала. Как нужда будет, подойди и крикни: «Кара-Хая, откройся-раскройся!» Там найдёшь ты коня Кара-Калчана, халат из чёрного шёлка, чёрные идыки и шапку из соболя. Всё это будет твоим, сын мой.

Много ли, мало ли времени прошло с тех пор, как похоронил Хеверик отца на перевале Арзайты-горы, но вот однажды услышал он разговор своих братьев:

— Завтра у Курбусту-хана будут состязания. Кто победит, за того хан отдаст свою младшую дочь — Золотую царевну, — говорит старший брат среднему.

— Отправимся туда, — предлагает средний брат. — Может быть, и нам посчастливится вскочить на третью ступеньку неба¹.

Стал Хеверик просить братьев взять его с собой. Засмеялись братья:

— Ишь чего захотел, дурачок! Сиди в юрте и прикрывай своё тело лохмотьями.

Когда уехали братья на состязания, Хеверик побежал к Сарыг-Хая и крикнул:

— Сарыг-Хая, откройся-раскройся!

Раздвинулись жёлтые камни, и увидел Хеверик в пещере Сарыг-Калчана, а на седле — жёлтый халат, жёлтые идыки и шапка соболя. Нарядился Хеверик и поскакал в ханский аал. Издал са уви-

---

¹ По древним представлениям тувинцев, небо было многоярусным, со многими ступенями.

дела толпа всадника и расступилась, а Хеверик с ходу взлетел на третью ступеньку неба и ускакал обратно. Все только диву дались— откуда такой удалой молодец взялся.

Спрятал Хеверик в Сарыг-Хая коня Сарыг-Калчана и одежду, надел свои лохмотья и пошёл к юрте поджидать братьев. Слышит, едут они и меж собой говорят:

— Интересно, кто этот молодец? Наверное, сын богатого хана.

Засмеялся Хеверик и говорит братьям:

— А ведь это я, Хеверик, был.

Не поверили братья Хеверiku и подумали, что он смеётся над ними. Стали бить его и приговаривать:

— Сначала нос утри, дурачок!

На другой день, как только братья поехали в аал Курбусту-хана, Хеверик побежал к Хурен-Хая и крикнул:

— Хурен-Хая, откройся-раскройся!

Раздвинулись в стороны коричневые камни. В пещере он увидел Хурен-Калчана, а на седле— коричневый халат, идыки и шапка соболья. Нарядился Хеверик и помчался в ханский аал. Расступилась удивлённая толпа, а Хеверик с ходу взлетел на пятую ступеньку неба и тотчас ускакал обратно.

Весь день только и разговоров было про коричневого всадника.

А Хеверик спрятал в Хурен-Хая коня Хурен-Калчана и коричневый наряд, надел свою старую одежду и опять поджидает братьев. Они вернулись сердитые, завистью горят их глаза. Спрашивают Хеверика насмешливо:

— это не ты ли сегодня взлетел на пятую ступеньку неба?

— Конечно, я, Хеверик, взлетел, а то кто же? — отвечает им Хеверик.

Тут братья как набросятся на него и ну кулаками вымещать на нём свою досаду. Бьют да приговаривают:

— Сначала нос утри, дурачок!

Думает Хеверик: «Ну ладно, братцы. Завтра я вас проучу».

На следующее утро, когда братья уехали на состязания, Хеверик поспешил к Кара-Хая и крикнул:

— Кара-Хая, откройся-раскройся!

Раздвинулись в стороны чёрные камни. В пещере он увидел Кара-Калчана, а на седле коня — чёрный халат, идыки и шапка соболья. Нарядился Хеверик и помчался в ханский аал. По дороге он отломил большую ветку тальника.

Зашумела, расступилась толпа, когда вдалеке показался чёрный всадник. Хеверик с ходу взлетел на седьмую ступеньку неба и, соскочив обратно на землю, стал высматривать своих братьев. Разыскал он их в толпе и принялся хлестать веткой. Завопили братья, пощады просят, а Хеверик знай бьёт да приговаривает:

— Не обижайте младшего брата, не обижайте младшего брата.

Но тут появилась Золотая царевна, и все застыли на месте от восхищения. Впервые видел Хеверик такую красавицу. Протянула ему Золотая царевна своё кольцо и велела прибыть завтра на пир.

Словно на крыльях летел обратно Хеверик. Спрятал он в Кара-Хая коня Кара-Калчана и чёрную одежду, надел свою старую одежду и стал поджидать братьев. А те еле в сёдлах держатся, едут синяки и шишки щупают. Спрашивает их Хеверик:

— Что это вы сегодня невесёлые, дорогие братцы? Ведь это я, ваш брат, на седьмую ступеньку неба заскочил.

Хотели братья избить Хеверика, да вспомнили,

что им чёрный всадник говорил, и передумали.

На другой день в ханский аал съехалось много женихов. Пришёл сюда и Хеверик.

Сидит Золотая царевна в белой юрте, а гости к ней по одному заходят и тотчас уходят: никого из них не остановила дочь хана. Последним в юрту вошёл Хеверик. Увидела Золотая царевна на его руке своё кольцо и повела Хеверика к хану.

— Вот мой будущий муж,— сказала она всем.

Засмеялась над Хевериком ханская свита. Громче всех насмеялись старшие зятья хана:

— Вот с каким оборванцем нам предстоит породниться!

— Какой это зять? Не думал, не гадал я, что моя младшая дочь такого мужа себе выберет.

И велел хан подальше от своего аала поставить маленькую юрту. В ней он приказал жить Золотой царевне с Хевериком.

Через некоторое время позвал Курбусту-хан трёх зятьёв и говорит:

— Отправляйтесь в дальние земли и привезите мне золотого марала.

Старшие зятья тотчас же оседлали коней и поскакали в дальние земли, а Хеверик говорит хану:

— Коня у меня нет, ехать мне не на чем. Пойду мальков ловить да сарану¹ собирать.

Хан разгневался. Золотая царевна запечалилась. Стыдно ей стало за своего мужа.

А Хеверик тайком пробрался к Сарыг-Хая, вывел оттуда коня Сарыг-Калчана, переоделся в жёлтую одежду и поскакал в дальние земли. Поймал он там золотого марала.

На обратном пути повстречал Хеверик старших зятьёв хана. Они сидели голодные у костра, поджаривали подмётки своих идыков вместо баранины.

---

¹ Сарана — растение, корни и стебли которого употребляют в пищу.

Притворился Хеверик, что не узнал их, и спрашивает:

— Откуда вы, люди? Где ваш аал-стойбище?

— Мы — зятя Курбусту-хана. Он послал нас за золотым маралом. Долго мы искали марала. Еда кончилась, кони исхудали. Хорошо, что ты нам встретился. Отдай нам золотого марала.

— А что вы мне дадите за него? — спрашивает Хеверик.

Стали они предлагать за марала много добра и скота, но Хеверик от всего отказался:

— Отдам марала тому, кто себе палец на ноге отрубит.

Тогда старший зять отрубил на своей ноге палец и отдал его Хеверику. Тот завернул палец в платок и ускакал к Сарыг-Хая. Здесь он переоделся и начал не торопясь мальков ловить и сарану собирать.

Когда он вернулся в свою юрту, Золотая царевна стала его упрекать:

— Лентяй ты, Хеверик! Пока ты мальков ловил да сарану собирал, старший зять золотого марала добыл.

— Ещё неизвестно, кто добыл золотого марала, — старший зять или я, Хеверик, — ответил он жене и лёг спать.

Много ли, мало ли прошло времени, но вот однажды хан снова позвал к себе зятьёв и говорит им:

— Отправляйтесь в дальние земли и привезите мне золотого оленя.

Старшие зятя тотчас же ускакали в дальние земли, а Хеверик зевнул и говорит хану:

— Коня у меня нет, ехать мне не на чем. Пойду я мальков ловить да сарану собирать.

Хан разгневался, Золотая царевна от стыда заплакала. А Хеверик тайком пробрался к Хурен-Хая, вывел оттуда коня Хурен-Калчана, переоделся в ко-

ричневую одежду и поскакал в дальние земли. Поймал он там золотого оленя.

На обратном пути Хеверик повстречал старших зятьёв хана. Они сидели у потухшего костра и горевали: еда кончилась, а конца земли всё не видно. Увидели они всадника с золотым оленем и обрадовались. Стали за оленя предлагать много добра и скота, но от всего отказался Хеверик:

— Отдам оленя тому, кто себе палец на ноге отрубит.

Тогда средний зять отрубил от своей ноги палец и отдал его Хеверику. Тот завернул палец в платок и ускакал к Хурен-Хая. Здесь он переоделся и принялся не торопясь мальков ловить и сарану собирать.

Когда он вернулся в свою юрту, Золотая царевна стала его упрекать:

— Эх, бездельник! Пока ты мальков ловил да сарану собирал, средний зять золотого оленя добыл.

— Ещё неизвестно, кто добыл этого оленя,— средний зять или я, Хеверик,— ответил он и заснул крепким сном.

Много ли, мало ли прошло времени, но вот однажды опять собирает хан к себе своих зятьёв и говорит им:

— Отправляйтесь в дальние земли и привезите мне золотого коня. Потом я вас по заслугам наделю своим добром и скотом.

Старшие зятья тут же умчались в дальние земли, а Хеверик зевнул и говорит хану:

— Не было коня у меня и вы мне его не дарили. Не на чем мне ехать в дальние земли. Пойду я мальков ловить да сарану собирать.

Пуще прежнего разгневался хан, а Золотая царевна с досады заплакала.

Хеверик тайком пробрался в Кара-Хая, переоделся в чёрную одежду и на коне Кара-Калчана поскакал в дальние земли добывать золотого коня.

Примчался Хеверик и спрятался у водополя. Долго он ждал, пока прибежал золотой конь воду пить. Заарканил его Хеверик и поспешил домой.

На обратном пути повстречал он старших зятьёв хана. Сидели они у потухшего костра и спорили — кому из них больше ханского добра и скота достанется. Увидели чёрного всадника с золотым конём и обрадовались. Каждый из них готов за коня все пальцы на ногах отрубить, но Хеверик не соглашается:

— Золотого коня я, Хеверик, вам не отдам. Сам поведу к хану.

Разгневались старшие зятя, стали грозить Хеверiku, но он и слушать их не стал. Спрятал он в Кара-Хая коня Кара-Калчана, переоделся в старую одежду и повёл золотого коня к хану. А старшие зятя уже донесли хану, будто Хеверик украл у них золотого коня.

Собрал хан свою свиту — судить младшего зятя.

— Тебе нужно голову отрубить! — говорит хан. — Ты три раза не выполнил моего приказа ехать в дальние земли да ещё осмелился украсть золотого коня у старших зятьёв.

Не испугался Хеверик этих слов и говорит спокойно:

— Прежде чем скот режут — кровь у него берут. Прежде чем человека убить — надо слово его выслушать.

— Ну, говори. Послушаем твоё последнее слово, — разрешил хан.

— Золотого марала я, Хеверик, поймал, а не старший зять. За марала он мне палец ноги отдал.

— Это правда? — спросил хан старшего зятя.

— Нет! Нет! — закричал старший зять.

— Сними идыки! — приказал хан.

Снял зять идыки, и все увидели, что не хватает у него на ноге одного пальца.

— Это я на охоте покалечился,— оправдывается старший зять.

Тогда Хеверик развернул платок, и все увидели недостающий палец старшего зятя.

— И золотого оленя я, Хеверик, поймал, а не средний зять. За оленя и он мне палец ноги отдал.

— Это правда?— спросил хан среднего зятя.

— Нет! Нет!— закричал средний зять.

— Сними идыки!— приказал хан.

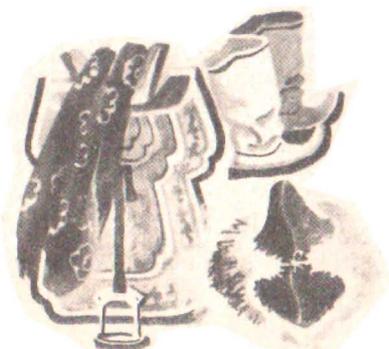
Снял зять идыки, и все увидели, что у него не хватает на ноге одного пальца. Стал было средний зять оправдываться, но Хеверик развернул другой платок и показал всем недостающий палец среднего зятя. Тут старших зятьёв с позором изгнали из ханского аала, а младшего хан наделил добром и скотом.

Хеверик пошёл к Сарыг-Хая, вывел оттуда коня Сарыг-Калчана и отдал его вместе с жёлтой одеждой и шапкой из соболя старшему брату.

Потом он пошёл к Хурен-Хая, забрал там добро и коня Хурен-Калчана и отдал всё среднему брату.

После этого он пошёл к Кара-Хая, вывел оттуда коня Кара-Калчана, переоделся в чёрный шёлковый халат, в чёрные идыки, надел соболью шапку и поехал к своей юрте. Увидела его Золотая царевна и стала у него прощения просить.

Простил её Хеверик. Долго и счастливо жили они и в сказку ушли, а я к вам пришёл.

ЗОЛОТАЯ ПТИЧКА

или-были старик со старухой. Однажды пошёл старик в лес за дровами. Облюбовал он себе высокое дерево и только взмахнул топором, вдруг из дупла выскочила золотая птичка.

— Не руби, старик, моё дерево,— заговорила птичка человеческим голосом.

Удивился старик, чуть топор на землю не выронил.

Взмолилась птичка и пообещала выполнить всё, что только он захочет.

Согласился старик и говорит:

— Натаскай к моей юрте дров.

— Ладно, старик, будут тебе дрова.

Вернулся старик в свою юрту с пустыми руками.

— Почему вернулся без дров, лентяй? — спросила его старуха.

Рассказал старик про золотую птичку.

На другой день старик со старухой увидели, что вокруг старой юрты навалено много дров. Удивился старик, заткнул топор за пояс и снова отправился в лес. Подошёл он к высокому дереву и ударил топором. Выскочила из дупла золотая птичка и спрашивает:

— Чего тебе нужно, старик?

— Поставь мне белую юрту,— сказал старик.

— Ладно, старик, будет тебе белая юрта,— ответила птичка и спряталась в дупло.

Вернулся старик домой.

На другой день проснулись старик со старухой в большой белой юрте.

Снова отправился старик в лес. Стукнул он по высокому дереву, выскочила золотая птичка и спрашивает:

— Чего тебе нужно, старик?

— Хочу, чтобы у меня белый скот был! — сказал старик.

— Ладно, старик, будет тебе белый скот,— ответила золотая птичка и спряталась в дупло.

Вернулся старик в юрту.

На другой день проснулись старик со старухой и увидели вокруг юрты огромное стадо белого скота.

Стали старик со старухой считать. Весь день скот считали, а сосчитать не могли.

Спрашивает старик у старухи:

— Чего бы нам ещё выпросить у золотой птички?

— Не жадничай, старик,— ответила старуха.— Всего у нас вдоволь, хватит на нашу жизнь.

— Эх ты, старая! От счастья своего отказываешься. Хочу быть ханом — слугам приказывать, а ты должна быть ханшей.

— Опомнись, старик, выбрось эти глупости из головы,— говорит ему жена.

Не послушал её старик и поспешил в лес. Стукнул топором по высокому дереву — нет птички. Ударил он посильнее, но и на этот раз не показалась золотая птичка. В третий раз изо всех сил ударил старик по дереву, чуть не срубил его совсем и стал кликать птичку. Но всё было напрасно. Рассердился старик, повалил дерево, обшарил дупло, но птички там не нашёл.

Вернулся старик и рассказал жене, как было дело. Долго ругала старуха жадного мужа.

Наступило утро. Проснулись старики, глядь — а у них прежняя дырявая чёрная юрта.

ХАН — ОСЛИНЫЕ УШИ

давние времена на острове посреди озера Терé-Холь стоял большой дворец. Жил в нём нелюдимый и злой хан. Пустынно было в просторном дворце. Кроме хана с ханшей, на острове жили слуга со служанкой и юноша-брадобрей.

Хан часто покидал остров, разъезжал по аалам, чинил там суд-расправу над своими подданными.

А юноша-брадобрей оставался все дни один, ему под страхом смерти было запрещено покидать остров, так как он один знал ханскую тайну: у хана были ослиные уши, которые он прятал от чужих глаз под шёлковым колпаком. Только ему разрешал хан снимать колпак и брить голову. Целыми днями юноша одиноко сидел под большим тополем и пел тоскливые песни.

Прилетят на остров стайки птичек — слушает он их весёлый щебет. Подплывут к берегу рыбки — любитесь он их резвой игрой.

Однажды, когда хан снова покинул остров, юноше стало невмоготу — сильнее прежнего затосковал он по родному аалу.

Бросился юноша на траву и закричал:

— Будь ты проклят, Элчиген-кулак-хан!¹

И вдруг слышит — шепчут листья тополя: «Элчиген-кулак-хан». А им вторит налетевший ветерок: «Элчиген-кулак-хан». Шумят волны озера: «Элчиген-кулак-хан».

Испугался юноша и просит их:

— Замолчите! Если хан услышит, он убьёт меня.

Но всё громче и громче над островом разносится: «Элчиген-кулак-хан, Элчиген-кулак-хан».

Бросился тогда юноша в озеро. Долго плыл он, из сил выбился. Медленно пошёл ко дну. Но тут подплыли к нему две большие шуки и помогли добраться до берега.

Идёт юноша и весело распевает: «Элчиген-кулак-хан, Элчиген-кулак-хан». Вслед за ним эти слова повторяет эхо гор и тайги.

Вернулся хан на остров и слышит — шепчет старый тополь: «Элчиген-кулак-хан, Элчиген-кулак-хан». Рассердился хан, велел позвать юношу, но его нигде не нашли. Решил хан, что его брадобрей пытался бежать и утонул в озере. До сих пор никто ещё не доплывал до берега.

Приказал хан срубить старый тополь, но всё равно нет ему покоя. Везде слышится: «Элчиген-кулак-хан, Элчиген-кулак-хан». Это травы шепчут, птицы распевают. Обезумел хан, мечется по острову, цветы топчет, гнёзда птичьи разоряет.

Перевезли хана на берег, поместили в большой белой юрте.

---

¹ Элчиген-кулак-хан — хан — ослиные уши.

Пришёл хан в себя и стал думать, как ему свою тайну сохранить. Собрал он подданных и строго-настрого запретил им бывать на острове.

— Там злые духи поселились! — пугал их хан.

Однажды спустились с гор охотники и рассказали — вся тайга на разные голоса повторяет: «Элчиген-кулак-хан, Элчиген-кулак-хан».

Пошли разговоры по юртам, дошли они и до хана. Понял хан, что жив юноша-брадобрей и все рано или поздно узнают его тайну. Так и вышло.

Собрался народ, снял с хана шёлковый колпак, и все увидели, что у хана длинные ослиные уши.

Тогда вышли вперёд старики и говорят хану:

— У тебя волчье сердце и ослиные уши. Не можешь ты быть нашим ханом, уходи прочь!

Так прогнал народ Элчиген-кулак-хана. Помнят об этом лишь две старые-престарые щуки, да рассказать никому не могут. Только когда поднимается ветер, в плеске волн озера Тере-Холь слышится: «Элчиген-кулак-хан, Элчиген-кулак-хан».

ЭР-САРЫГ

авным-давно, когда озеро Сут-Холь было ещё маленькой лужей, в бедном чуме жила старуха с сыном Эр-Сарыгом, у которого был конь Эгэ-Шырбан. Эр-Сарыг охотился на диких зверей в тайге, возвращался всегда с добычей.

Однажды, когда сын отдыхал после охоты, мать сказала:

— Прошу тебя, сынок, не ездь в сторону заходящего солнца. Туда уехал твой отец да так и не вернулся.

Задумался Эр-Сарыг и решил узнать эту тайну. Сходил он на охоту, заготовил матери побольше мяса и, ничего не сказав, уехал в сторону заходящего солнца.

Выехал он на вершину горы и увидел вокруг прекрасную зелёную тайгу, а на далёкой вершине —

огромное чудовище. Наточил Эр-Сарыг железный наконечник своей чёрной стрелы, взял в руки чёрный лук и натягивал его с раннего утра до позднего вечера, потом пустил свою чёрную стрелу прямо в сердце огромного чудовища. Заметалось оно, заревело страшным голосом, от его крика загорелась тайга, стали падать деревья и разрушаться скалы — и замертво рухнуло, пронзённое стрелой.

Вернувшись к матери, Эр-Сарыг рассказал о своей победе. Обрадовалась старуха, что у неё такой удалой сын вырос, запечалилась, что отец не увидел сына-богатыря.

Однажды, когда Эр-Сарыг был на охоте, мать услышала, как три диких гуся, пролетая, спросили:

— Дома ли Эр-Сарыг, на привязи ли его конь Эге-Шырбан?

Мать от удивления нос себе поцарапала ножом.

Увидел сын свою мать и спросил:

— Почему у тебя на носу царапина?

Мать ответила:

— Удивилась очень, сынок: вон с того озера три диких гуся о тебе спрашивали.

Когда Эр-Сарыг отдыхал после охоты в чуме, опять пролетали три диких гуся и кричали:

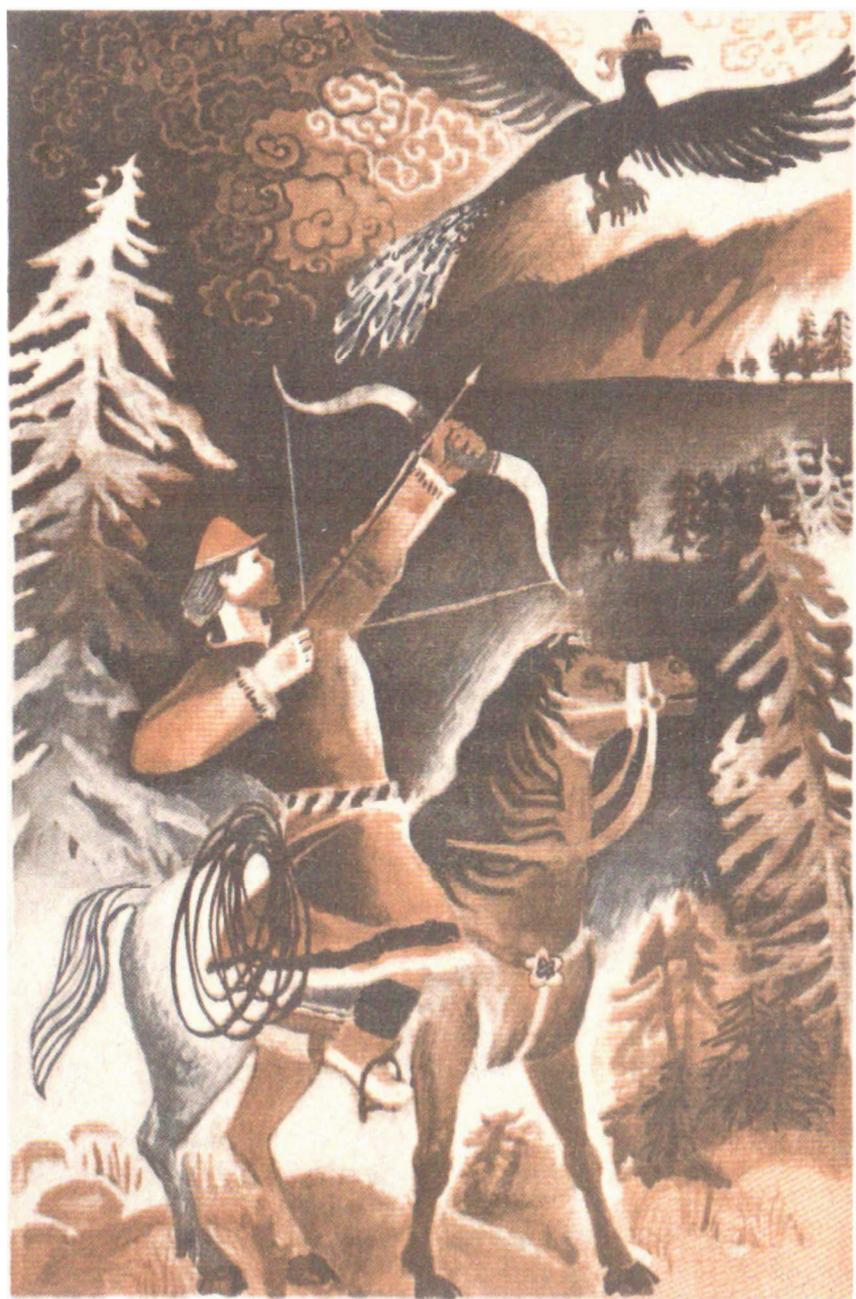
— Дома ли Эр-Сарыг, на привязи ли его конь Эге-Шырбан?

Рассердился богатырь, натянул тетиву и поранил лапку одному гусю. Однако задумался, сходил на охоту, заготовил матери мяса впрок и уехал хорошим солнечным днём. В пути ему встретился седой старик, пастух верблюдов. Эр-Сарыг поздоровался и спросил, чьё это богатство и можно ли съесть одного верблюда.

Старик ответил:

— Если хан об этом узнает, мне будет плохо.

Но всё же разрешил поймать драчливого верблюда. Эр-Сарыг вскочил на Эге-Шырбана, налетел, как ветер, с арканом на драчливого верблюда

и зарезал его. Поел, отдохнул и двинулся дальше в путь.

В пути ему встретился седой пастух, который пас телят. Эр-Сарыг поздоровался, и старик попросил его угнать телят к ханскому аалу. Подогнал он телят к мосту через реку, а те разбежались в разные стороны. Слез Эр-Сарыг с коня и стал ловить и перетаскивать их по одному, а они опять разбегаются. Сел Эр-Сарыг и не знает, что и придумать.

В это время вышла ханша из юрты и говорит:

— Неужели трудно сказать: «Ханский скот, переходи реку вброд».

Повторил эти слова Эр-Сарыг, и телята дружно побежали.

Молодец загнал телят и зашёл в юрту, где хан сидел. Хан был безобразный — верхние веки свисали до самого носа. Приподняв пальцем веко, хан посмотрел на него и велел слуге подать сыворотку. Только молодец выпил из деревянной чашки до дна, как зашла ханша и принялась кричать, что не подоены до сих пор коровы.

Вышел Эр-Сарыг и начал доить. Коровы мычат, а молока не дают.

Недовольна ханша, что пастух долго доит коров:

— Неужели отсохнет язык сказать: «Лейся, лейся, богатство хана».

Повторил эти слова Эр-Сарыг, и молоко потекло — успевай только вёдра подставлять. Зашёл Эр-Сарыг в юрту, устроился спать в ногах хана.

Закричал хан:

— Почему не лижешь мои пятки — я не могу уснуть?!

Выбежал Эр-Сарыг во двор, увидел тушу коровы, взял язык и стал тереть им ханские пятки.

Завопил хан:

— Уе! Почему у тебя такой жёсткий язык, проклятый?

Эр-Сарыг отвечает:

— Ты думаешь, хан, от сыворотки язык будет мягкий?

Хан приказал напоить его сливками. Выбежал Эр-Сарыг во двор, увидел дохлую собаку, схватил узкий длинный язык и стал тереть ханские пятки. Понравилось это хану, и он уснул.

Остался Эр-Сарыг жить в ханском аале. Понравилась ему младшая дочь хана, и он ей понравился, решили пожениться. Рассердился хан, да делать нечего, поселил их в плохоньком чуме.

Однажды созвал хан семерых зятьёв и говорит:

— Отправляйтесь в тайгу за кобылицей и спасите жеребёнка. Эта кобылица через три года приносит жеребёнка, но его уносит куда-то огромная птица Хан-Херети.

Зятья тотчас оседлали коней и ускакали. Эр-Сарыг тайком отправился следом. Приехал в тайгу, смотрит — зятья спят беспробудным сном, а рядом пасётся кобылица. Спрятался Эр-Сарыг. Только родился жеребёнок, как прилетела огромная птица Хан-Херети, схватила свою добычу и унесла. Эр-Сарыг пустил ей вдогонку стрелу, но не попал, только уронила птица светящееся перо. Вернулся в аал и подарил это перо младшей ханской дочери — своей жене. Увидели старшие сёстры и донесли хану.

Хан снова позвал семерых зятьёв к себе и говорит:

— Привезите мне птицу Хан-Херети.

Старшие зятья тотчас же оседлали коней и поскакали, а Эр-Сарыг тайком на своём Эге-Шырбане отправился в путь.

Долго он ехал. Если иней скрипел под копытами — зиму узнавал, если роса мочила ноги — лето узнавал.

Наконец приехал в нижний мир. На острове

посреди большого озера росли три тополя, а на них — гнёзда с птенцами.

Эр-Сарыг лёг под деревом и уснул. В это время из озера вылез мангыс — злое чудовище. Закричали птенцы, и проснулся молодец. Увидел его мангыс и обрадовался:

— Иди ко мне, я тебя съем.

Эр-Сарыг смело подошёл к нему, залез в пасть и встал поперёк горла, да так, что мангыс взмолился:

— Не мучь меня, человек.

Эр-Сарыг взмахнул своим острым ножом и выскочил на свет, а мангыс тут же сдох.

Потемнело небо, полил дождь, услышали птенцы голос матери: «Живы ли вы, мои милые?» Увидев их живыми-невредимыми, обрадовалась:

— Кто убил моего врага мангыса — выходи!

Эр-Сарыг вышел из укрытия и сказал:

— Это я, Эр-Сарыг. Я пришёл к тебе за жеребятами пегой кобылицы. Хан меня послал.

Сказала птица Хан-Херети:

— Да, эти жеребята у меня, я отдам тебе их и провожу тебя. Приготовь на дорогу мешок еды.

Эр-Сарыг так и сделал. Когда летели, он бросал птице в рот кусок за куском.

Наконец добрались до владений хана.

Сказала Хан-Херети:

— Открой мои ноздри.

Эр-Сарыг так и сделал. Выбежали оттуда девять прекрасных коней, и поехал молодец с ними дальше.

На обратном пути он повстречал старших зятьёв. Они уже съели своих лошадей от голода. Обрадовались встрече, предложили сесть на почётный белый ковёр. Только сел Эр-Сарыг — и провалился в глубокую яму, которую приготовили ему зятья. А они девять прекрасных коней Эр-Сарыга и пригнали к хану. Устроил хан пир, не мог нахвалиться зятьями, какие они добрые молодцы. И дочери хана

гордились своими мужьями и смеялись над младшей сестрой, женой простого пастуха. Наутро прибежал конь Эге-Шырбан и говорит:

— Зятя бросили моего хозяина в глубокую яму.

Схватила жена Эр-Сарыга шестидесятиметровый аркан и уехала. Смотрит, и правда, сидит Эр-Сарыг на дне глубокой ямы. Бросила ему жена аркан, вытащила Эр-Сарыга, и поехали они в ханский аал вдвоём на одном коне.

— Это я, хан, пригнал твоих жеребят, которые стали прекрасными конями,—сказал Эр-Сарыг и поведал о том, где был и что видел, пока нашёл коней. Хан не поверил ему — приказал собрать весь народ.

— Узнаем сейчас, кто действительно заслуживает награды. Пущенная стрела уберёжет победителя и накажет обманщика. Стреляйте вверх! — приказал хан.

Пустили вверх стрелы семь зятьев и упали, пронзённые насмерть. Последним пустил вверх свою стрелу Эр-Сарыг, и стрела воткнулась в землю прямо перед ним.

Хан выделил Эр-Сарыгу половину своего скота, половину своего добра.

Добрый молодец с красавицей-женой и с богатством вернулся в свой край, к своей матери. Долго и счастливо жили они на земле.

ХОВЕН-ТАЖЫ

то было в стародавние времена, когда рога у быков и козлов отваливались, когда гора Сюмбер-Ула была лишь бугорком, а озеро Сут-Холь — всего лишь лужей.

Жил-был Ховён-Тажы¹ на берегу речки Чинге-Кара-Хем. Не было у него ни отца, ни матери, ни брата, который родился раньше него, ни сестры, которая родилась после. А было у него две жены — Алдын-дангына и Хумуш-дангына². Не имел он ни к кому злых намерений, не желал войны, а жил охотой в тайге. Однажды он вернулся с огромной добычей, навьюченной на неустанного коня, несравненного Когё-Шагайна. Он

¹ Тажы — царевич, дворянский титул.

² Алдын-дангына — Золотая царевна. Хумуш-дангына — Серебряная царевна.

заехал в юрту старшей жены. Алдын-дангына сварила душистый зелёный чай, угостила сладкими лепёшками и сказала ему:

— Со мной ты ни в чём не нуждался, не был голодным, но я решила вернуться к своим родителям.

Ховен-Тажы удивился и пошёл к младшей жене. Хумуш-дангына накормила-напоила мужа и сказала те же слова, что и старшая жена.

— Что случилось с вами? Чем вы недовольны? Я живу простой жизнью, хожу на охоту. Почему вы говорите одно и то же?

Ховен-Тажы сел на своего коня и поехал к отшельнику в пещеру. Подарив ему шёлк в шестьдесят саженей, он спросил у него:

— Скажи, отец, что случилось с моими жёнами? Я их не обижал, кормил, а они покидают меня.

Мудрец заглянул в волшебную золотую книгу и сказал:

— Тебе суждено жить с Чечён-Ногаан, рождённой в цветке. Она живёт в стороне восхода за бурлящим свирепым морем. Поезжай за ней.

Ховен-Тажы вернулся в родной аал, но своих жён не застал. Они уехали, оставив ему у очага впрок наготовленной вкусной еды.

Ховен-Тажы отправился на своём неустанном коне в сторону восхода солнца. На пути ему встретился берестяной чум. Он вошёл в него и увидел там старуху.

— Куда путь держишь, сынок?

Ховен-Тажы ответил:

— Я еду искать Чечен-Ногаан, рождённую в цветке.

— О, это очень далеко и трудно, сын мой.

Старуха угостила его прохладным кислым молоком и пожелала удачи.

Долго, коротко ли он ехал — только его неустанный конь устал и он сам проголодался. Наконец

показалось вдали безбрежное бурлящее свирепое море.

Как через него переправиться? Вдруг Ховен-Тажы заметил двух плачущих гусят.

— Что с вами случилось? — спросил он.

— Скоро должна выйти из моря водяная крыса, чтобы съесть нас, — заплакали гусята.

— Я вам помогу. Спрячьтесь, а я что-нибудь придумаю, — сказал Ховен-Тажы и стал ждать, что будет дальше.

Как только солнце закатилось, выплыла огромная водяная крыса и закричала страшным голосом:

— Это ты съел моих гусят? — и проглотила Ховен-Тажы.

Но он не растерялся и ударил ножом крысу, а сам выскочил на белый свет. К нему подбежали обрадованные гусята:

— Скажи своё имя, спаситель?

— Меня зовут Ховен-Тажы. Я еду искать Чечен-Ногаан, рождённую в цветке. Мне нужно переправиться через море.

Гусята сказали ему:

— Это невозможно. Здесь нет переправы. Может, наша мать тебе поможет. Спрячься пока.

Только укрылся Ховен-Тажы среди высокой травы, как прилетела огромная гусыня. Она обрадовалась, увидев своих птенцов невредимыми. Ховен-Тажы вылез из укрытия, и гусята всё рассказали матери.

Захлопала она огромными белыми крыльями и сказала:

— Будем друзьями, я помогу тебе.

Гусята остались присматривать за конём Ховен-Тажы — он пасся в высоких травах неподалёку. А Ховен-Тажы перелетел на гусыне через бурлящее свирепое море.

Шёл он, шёл и наконец увидел огромную поляну,

жёлтую от цветов. В самой середине рос чудесный золотой цветок.

Ховен-Тажы осторожно выкопал этот цветок вместе с корнем, уложил в перемётную суму и вернулся на берег моря. Гусыня переправила его на другой берег. Конь его за это время отдохнул и раздобрел.

Ховен-Тажы попрощался и отправился в обратный путь. По пути он остановился в берестяном чуме бедной старухи. Угостившись прохладным кислым молоком, Ховен-Тажы поехал дальше.

Однажды он заночевал в степи, положив суму в изголовье. Ночью к нему незаметно подкрался албыс¹, вытащил чудесный цветок и выбросил его в речку, а сам обернулся прекрасной девушкой. Ховен-Тажы проснулся и подумал, что перед ним Чечен-Ногаан. Он обрадовался, посадил красавицу впереди себя на коня и вернулся в родной аал.

Стали они жить-поживать. Только охота перестала приносить ему добычу — всё время Ховен-Тажы стрелял мимо, не попадая. Скоро у них кончились все припасы, была зарезана последняя овца, остался только несравненный конь Коге-Шагаан. Что ему делать оставалось?

Сел Ховен-Тажы на коня и поехал к старухе в берестяной чум. Когда он зашёл в чум, то увидел, что у старухи появилась дочь — прекрасная девушка. Что же случилось?

Оказывается, старуха однажды пошла за водой на речку и сорвала цветок редкой красоты. Она принесла его в чум, а сама пошла доить своих коз. Вдруг слышит детский плач. Старуха прибежала и увидела маленькую девочку. Стала она пеленать её в мягкие шкурки. Девочка росла не по годам, а по часам. И скоро стала помощницей своей приёмной матери.

---

¹ Албыс — ведьма, оборотень.

Ховен-Тажы посватался и увёз девушку к себе. Однажды в отсутствие Ховен-Тажы старшая жена с помощью волшебства родила мальчика и тут же убила его. Приехал Ховен-Тажы с охоты, а она лежит на постели и плачет.

— Что случилось, жена?

— Ах, Ховен-Тажы,— отвечает старшая жена-оборотень,— твоя младшая жена родила сына и сама убила его. За это ты должен её наказать. Зашей в кожаный мешок и увези подальше, куда люди не ходят и конь не доскачет.

Что было делать? Послушался Ховен-Тажы коварного совета и увёз Чечен-Ногаан, рождённую в цветке, на край земли.

Бедная женщина плакала и проклинала его:

— Пусть моя голова станет тайгой, а мои слёзы — горными ручьями, пусть косы мои станут кедром и лиственницей, а мои кости — каменной осыпью скал. Пусть глаза мои будут двумя чёрными воронами. Ховен-Тажы придёт сюда, и вороны расскажут ему всю правду,— с этими словами она умерла.

Ховен-Тажы вернулся к жене-оборотню. Охота была неудачной — он стрелял мимо, невпопад. Сварит ему жена обед — он не может насытиться, подаст чай — не может утолить жажду.

Съели они весь скот, остался только несравненный конь Коге-Шагаан.

Сел Ховен-Тажы на своего коня и поехал куда глаза глядят.

Переехал семь перевалов, семь рек и попал в чудесный край. Возвышается в серебряной шапке высокогорная тайга. Текут с этой горы две холодные прозрачные реки. Берега их покрыты нежной зелёной травой и сладкой ягодой, а в воде резвится рыба. Досыта наелся Ховен-Тажы рыбы, ягод, кедровых орехов и прилёг отдохнуть под высокой лиственницей. Прилетели два чёрных ворона и рас-

сказали Ховен-Тажы о воскрешении невинной Чечен-Ногаан, рождённой в цветке. Проснулся Ховен-Тажы и решил подняться на вершину высокогорной тайги. Смотрит — стоит там белый атласный шатёр, а в нём сидит живая и невредимая Чечен-Ногаан. Она говорит ему:

— Ты зачем сюда поднялся? Моё сердце умерло давно, уходи отсюда. Что ты можешь мне сказать?

Ховен-Тажы рассказал ей об удивительном сне и двух воронах.

Говорит прекрасная Чечен-Ногаан печально:

— Ты отдал своё сердце оборотню — албысу, а меня зашил в мешок и увёз на край света.

Ховен-Тажы сказал:

— Прости меня и помоги мне избавиться от врага.

Сказала Чечен-Ногаан:

— Сделай так: возьми ружьё и поиграй с ним. Скажи ведьме, чтобы она выстрелила в тебя вот этой пулей. После выстрела ты падай на землю и катайся от смеха. Она удивится и тоже захочет испытать весёлую пулю. Тогда ты стреляй без промаха.

Ховен-Тажы так и сделал. Любопытно стало ведьме, почему так хохочет муж, и решила она испытать сама. Ховен-Тажы выстрелил и убил оборотня. Он сжёг его, а прах развеял по ветру. Вернулась к нему прекрасная Чечен-Ногаан, рождённая в цветке, и зажили они счастливо и мирно.

СЫН МЕДВЕДЯ

Однажды женщина собирала в лесу хворост. Медведь схватил её и бросил в пещеру, а вход завалил большим камнем. Так женщина стала жить в пещере у медведя.

Скоро у неё родился ребёнок. Мальчик рос не по годам, а по дням.

Однажды сын спрашивает у матери:

— Почему мы живём в этой пещере, мама, разве нельзя отсюда уйти?

Мать ему отвечает:

— Мы отсюда не можем уйти, потому что твой отец, медведь, завалил вход пещеры камнем.

— Как же можно человеку жить с медведем? — сказал сын и ударил ногой по камню, да так сильно, что камень перелетел через одну гору и через одну долину.

Затем Сын медведя взял нож и вместе с матерью вышел из пещеры. Пошёл он прямо в северную сторону, искать людей. Шли они долго и пришли наконец на берег озера. Тут Сын медведя построил своей матери чум, заготовил много мяса и наловил много рыбы. Однажды говорит ей:

— Вот что, мама, я уйду, но обязательно вернусь. Когда у тебя кончатся запасы мяса и рыбы, то ты сможешь найти около леса много съедобных корней. Ты одна здесь остаёшься, кто знает, может быть, заболеешь, тогда будешь лечиться этим,— и дал ей разные лекарственные травы.

Рано утром, на рассвете, Сын медведя отправился в далёкий путь. В одном месте он увидел человека, который выкорчёвывал деревья, откапывал камни и складывал их.

— Ты что делаешь? — спросил Сын медведя.

— Меня зовут Поднимающим горы, и я коплю силу, чтобы побороть Сына медведя,— отвечает тот.

— Я Сын медведя. Давай поборемся.

Стали молодцы бороться. Они боролись в течение шестидесяти дней — двух месяцев, еще девятью днями — три месяца. Сын медведя наконец положил Поднимающего горы на обе лопатки.

— Прежде чем скотину зарезать — кровь берут, прежде чем человека убить — ему слово дают. Что скажешь? — спросил Сын медведя.

— Ну, зачем же мы будем убивать друг друга? Будем братьями,— предложил тот.

Они обменялись клятвами и стали братьями.

Вместе пошли в южную сторону. На их пути встретился человек, который выкорчёвывал лес и переносил деревья с одного места на другое.

Братья спросили его:

— Как твоё прозвище? Зачем ты это делаешь, друг?

— Моё имя — Корчеватель леса. Я коплю силу,

чтобы сразиться с Сыном медведя,— ответил тот.

— Меня зовут Сыном медведя. Кто начнёт первым — ты или я? — спросил Сын медведя.

Оба молодца стали бороться. Они схватились с быстротой ястреба. Сын медведя схватил Корчевателя леса и стал его крутить вокруг себя в течение шестидесяти дней — двух месяцев и в течение девяноста дней — трёх месяцев; наконец бросил его на лопатки так, что земля дрогнула и небо заколыхалось.

Сын медведя говорит:

— Прежде чем скотину зарезать — кровь берут, прежде чем человека убить — ему слово дают. Что ты скажешь? Говори!

— У меня нет слов. Будем тремя братьями,— сказал Корчеватель леса и дал свою клятву.

— Пусть будет так,— сказал Сын медведя и помог ему встать на ноги. Они стали тремя братьями и отправились дальше.

В одном месте они увидели семистенную кошару¹, а в ней — семьдесят баранов. Около кошары — чёрный котёл на семь едоков. Они взяли котёл и стали жить здесь, питаясь бараниной.

Однажды Сын медведя говорит своим братьям:

— Скоро мы всех баранов съедем. В тайге много зверей, и завтра мы с Корчевателем леса пойдём на охоту.

Поднимающий горы должен был остаться и приготовить пищу охотникам. Он зарезал барана, приготовил еду и стал ждать своих братьев. В это время из-под земли вышла ведьма с медными ногтями и носом — албыс, схватила мясо и скрылась.

Сын медведя и Корчеватель леса вечером пришли с пустыми руками.

— Где твоя еда? — спросили они у Поднимающего горы.

---

¹ Кошáра — загон для скота.

— У меня голова разболелась, и я не мог зарезать барана и приготовить еду,— ответил тот.

Сын медведя говорит:

— Завтра я вместе с Поднимающим горы пойду на охоту, а ты, Корчеватель леса, приготовь еду.

Назавтра, когда охотники собирались пойти на охоту, Поднимающий горы сказал тихонько Корчевателю леса:

— Когда ты сваришь баранину, из-под земли выйдет албыс и унесёт твоё мясо, но ты ничего не говори Сыну медведя.

Сын медведя и Поднимающий горы ушли на охоту. Корчеватель леса зарезал барана, сварил мясо, вынул его из котла и стал ждать охотников. В это время появилась албыс и унесла все мясо.

Вечером Сын медведя и Поднимающий горы пришли уставшие и голодные, без добычи.

— Где же твой баран? — спросили они.

— У меня разболелась печень, и я не мог зарезать барана,— ответил он.

— Завтра вы оба пойдёте на охоту, а я приготовлю еду,— сказал Сын медведя.

Назавтра Корчеватель леса и Поднимающий горы пошли на охоту.

Сын медведя зарезал большого жирного барана, сварил мясо и стал ждать братьев. В это время из-под земли вышла ведьма с медными ногтями и медным носом и стала есть мясо. Сын медведя схватил свой чёрный нож и ударил ведьму по ноге. Албыс скрылась так же быстро, как и появилась. Сын медведя съел оставшееся мясо барана и выплюнул мягкие и твёрдые кости.

Корчеватель леса и Поднимающий горы пришли вечером опять с пустыми руками.

Сын медведя говорит своим братьям:

— Почему вы обманывали меня? Испугались ведьмы с медными ногтями и носом?

— О, брат, мы испугались и не сказали тебе об этом.

— Я только ранил ведьму и должен спуститься туда за ней. Вы держите аркан и не отпускайте. Когда я сильно дёрну, поднимайте,— сказал Сын медведя.

Он достал свой аркан в шестьдесят сажений и спустился в нижний мир.

Там стояли две большие юрты. Когда он вошёл в одну из юрт, там лежала албыс, а две прекрасные царевны перевязывали ей ногу.

Сын медведя тут же убил ведьму. Двух же прекрасных царевен, чтобы поднять их наверх, привязал к аркану.

Корчеватель леса и Поднимающий горы стали вытягивать аркан. Показались две прекрасные царевны.

— Нас освободил Сын медведя.

Поднимающий горы говорит:

— Перережь аркан, пусть Сын медведя останется там.

Корчеватель леса ответил:

— Если жили вместе, то и умирать надо вместе. Зачем перерезать аркан? — и отказался.

Тогда Поднимающий горы сам обрубил верёвку, и Сын медведя упал.

Корчеватель леса и Поднимающий горы женились на двух прекрасных царевнах.

Сын медведя тем временем ходил по нижнему миру. В одном месте он увидел железный тополь, а на нём — трёх птенцов. Один из птенцов плакал, второй пел, а третий спал.

Сын медведя спросил у них:

— Почему один из вас плачет, второй поёт, а третий спит?

— Мы птенцы Хан-Херети. Мангыс хочет сегодня съесть того из нас, кто плачет, завтра — того, который поёт, а послезавтра — того, кто спит.

— Ну, братья, мы не змеи, чтобы умирать лёжа,— будем драться. Я попробую с ним сразиться,— говорит Сын медведя.

Сын медведя взял в руки свой чёрный нож и стал ждать. Вот вода в озере стала подниматься, чудовище поползло вверх, обвиваясь вокруг тополя.

Сын медведя своим чёрным ножом снёс чудовищу все шесть голов.

Обрадовались птенцы.

Вскоре прилетела птица Хан-Херети и, увидев всех своих птенцов невредимыми, сказала:

— Ты убил моего злейшего врага — будем дружить. Скажи, чего ты хочешь?

— Подними меня наверх,— попросил Сын медведя.

Могучая птица мигом доставила его туда.

Сын медведя пришёл к своему жилищу и увидел, что его два брата женились на двух прекрасных царевнах.

Сын медведя страшно рассердился и закричал:

— Корчеватель леса и Поднимающий горы, выходите!

Два брата выскочили на крик из юрт.

— Кто из вас обрубил аркан? — закричал он.

Один стал обвинять другого.

Сказали тогда царевны:

— Корчеватель леса говорил, что нельзя обрубить аркан, а Поднимающий горы обрубил.

Сын медведя не пощадил жизни Поднимающего горы и убил его. Он взял себе в жёны одну из царевен и вместе с Корчевателем леса направился прямо на север, к своей матери.

Долго ли, коротко ли шли они на север вместе с двумя царевнами. Наконец пришли на берег озера, где жила старая мать Сына медведя.

Два брата начали охотиться на зверей в тайге и ловить рыбу из озера, еды у них стало в изобилии. Так счастливо они жили-поживали.

ТРИ БРАТА

днажды заночевали на берегу три брата, у которых был один буланый конь.

Проснувшись рано утром, младший брат сказал:

— Нашего коня украли.

Старший брат говорит:

— Спешить не надо, вскипятим чаю, попьём, тогда хорошенько подумаем и обязательно найдём.

Так братья и сделали. Напились не спеша чаю и стали думать.

Старший брат сказал:

— Нашего коня увёл человек с того берега реки.

Средний сказал:

— Нашего коня увёл человек, живущий в белой юрте.

Младший сказал:

— Нашего коня увёл человек по имени Одежик.

Пришли братья к этому Одежику и сказали ему, что он увёл их коня.

Одежик говорит:

— Я не брал никакого коня. Как вы можете доказать, есть ли у вас свидетель?

— Мы умеем узнавать всю правду.

— Если вы такие умные, то найдите то, что я сейчас спрячу,— сказал Одежик и попросил братьев выйти из юрты.

Он поймал паука, спрятал его под ковриком и говорит:

— Спрятал, ищите.

Братья вошли в юрту. Старший говорит:

— Это спрятано под ковриком.

Средний говорит:

— Что-то многолапое и маленькое.

Младший говорит:

— Это, конечно, паук.

— Наверное, вы подглядывали, поэтому я снова перепрячу,— сказал Одежик.

Он послал братьев во двор, а сам спрятал в сундуке чокпёк — лакомство из пенок и ягод.

— Спрятал, найдите же! — позвал Одежик.

Братья вошли в юрту. Старший из них говорит:

— Это спрятано в сундуке.

Средний говорит:

— Что-то из ягод.

Младший говорит:

— Это же чокпек!

Одежик испугался и привёл буланого коня.

Сели три брата на одного коня верхом и поехали. Едут берегом реки вниз по течению и видят на дороге следы телеги. Стали высказывать каждый своё предположение:

— У телеги сломано колесо.

— У верблюда нет одного глаза.

— А жена хозяина беременна.

Подъехали к стоянке. Засмеялись братья — всё так и есть.

— Над чем вы смеётесь? — спрашивает хозяин.

— У твоей телеги колесо сломано, у верблюда нет одного глаза, а жена беременна, — говорят братья.

— Правильно угадали, ребята, — удивился он и стал угощать братьев чаем.

Поехали братья дальше. Приехали к хану. Вошли братья в юрту, поклонились и сели.

— Где вы живёте, куда путь держите? — спрашивает хан.

— Мы странствуем, вот пришли и к тебе, хотим переночевать.

Хан говорит:

— Заходите, ночуйте в моих юртах.

Зашли братья. Там угостили их чаем, мясом и аракой и уложили спать. Наутро, умывшись речной водой, братья говорят меж собой:

— Думали мы, что ночевали в юрте хана, а оказывается, ночевали в юрте арата,— сказал старший.

— Думали, пили араку, а оказывается, пили ледяную воду,— сказал средний.

— Думали, ели баранину, а оказывается, ели собачье мясо,— сказал младший.

Это всё услышали слуги хана и доложили ему.

— Голодных бродяг я накормил, напоил, а они оскорбляют меня,— рассердился хан,— осмелились назвать меня аратом. Снять им головы вместе с шапками!

Хан пошёл к своей матери и рассказал о своей обиде.

— Почему они считают меня аратом, мать?

— Это правда, сын мой. Ты — не сын хана. Твой отец был бедный человек.

— Ну хорошо, а почему они считают, что их угощали собачьим мясом?

— Во время великого голода этот маленький ягнёнок рос сиротой и сосал молоко собаки.

— А почему они говорят, что пили не араку, а ледяную воду?

— Холодной зимой людям не хватало для атаки воды, и они использовали сосульки, висевшие на морде быка. Эти люди могут узнать всё, что захотят, отпусти их,— сказала мать хана.

Братья сели на своего буланого коня и отправились в новое странствие, удивляя людей своей догадливостью и умом.

СПОР

давние времена на южном склоне Арзай-ты-горы жила старуха со своей единственной дочерью. Девушка пасла коз на небольшом холме, там она в одиночестве играла и пела. Однажды со стороны восхода солнца пришли три брата, очень похожие друг на друга.

Заговорили они с девушкой:

— Мы видим, что ты славная, трудолюбивая и красивая и так хорошо поёшь. Мы полюбили тебя. Выбери сама, кто из нас тебе по душе.

Отвечает им красавица:

— Вы одинаковы ростом, похожи друг на друга лицом. Вас нельзя даже различить. Я не хочу выходить за вас замуж, потому что тогда вашей дружбе придёт конец.

Говорят ей братья:

— Наша дружба не нарушится. Выбери кого-нибудь из нас, кто тебе желанней.

Отвечает им девушка:

— Ну хорошо, пусть будет, как вы хотите. Только я выйду замуж за того, кто найдёт самое полезное для жизни человека.

Братья согласились. Они пришли домой, взяли каждый по 300 серебряных монет и отправились прямо на юг. Шли они, шли по большой дороге и остановились на развилке трёх дорог.

Говорит старший брат:

— Давайте разойдёмся в разные стороны. Пусть каждый испытает свою судьбу. А потом встретимся на этом же месте.

Так и порешили.

Старший брат пошёл прямо и пришёл в большую страну. Там он увидел много мастеров-плотников. Около них лежали готовые чёрные сани необыкновенной красоты.

Юноша спросил:

— Сколько же стоит ваша работа?

Мастер отвечает:

— 300 серебряных монет.

— Почему так дорого, отец?

Тот объяснил:

— Эти сани не простые, они могут в один миг доставить человека в любое место.

Юноша вынул свои 300 серебряных монет, купил сани, повернул их в ту сторону, откуда пришёл,— и в мгновение ока попал на развилку трёх дорог. Ещё раз, повернув сани, юноша в мгновение ока оказался перед мастерами, поблагодарил их, попрощался и вернулся на развилку трёх дорог, где стал ждать братьев.

Средний брат, который пошёл налево, пришёл к большой лавке и увидел там богато украшенное зеркало. Юноша спросил у продавца о цене.

Тот ответил:

— 300 серебряных монет.

Юноша говорит:

— Зеркало как зеркало. Почему так дорого оно стоит?

— Это зеркало не простое. Ты можешь в нём увидеть всё, что захочешь,— сказал юноше продавец.

Юноша подумал о прекрасной пастушке. Взглянув в зеркало, он увидел ту самую девушку — она пасла своих коз: сидела на холме и пела. Юноша тут же купил зеркало и вернулся на развилку дорог.

Младший брат, который пошёл направо, тоже пришёл в лавку и увидел среди различных товаров что-то круглое и белое, похожее на сахар. Юноша спросил цену.

Продавец отвечает:

— 300 серебряных монет.

— Почему оно такое дорогое? — спрашивает юноша.

— Это лекарство, которое воскрешает человека,— объяснил продавец юноше.

Юноша купил лекарство и возвратился на развилку дорог, а там его уже ждали братья.

Повели они меж собой разговор. Говорит средний брат:

— Хотите увидеть нашу милую красавицу?

— Раз мы из-за неё пустились в такой далёкий путь, конечно, хотим её увидеть,— отвечают братья.

— Ну, так вот, смотрите,— сказал юноша и вынул своё зеркало.

И они увидели, что козы пасутся вокруг холмика, а девушка лежит на земле мёртвая. Братья закричали:

— Беда! Беда! Наша красавица умерла! — и заплакали с горя.

Младший брат говорит:

— Если бы можно было добраться до неё, я бы её воскресил,— у меня есть хорошее лекарство.

Старший брат сказал:

— Садитесь скорее в мои сани, мы в один миг будем там!

Втроём они сели в волшебные сани и в мгновение ока очутились около девушки. Младший брат влил в рот девушке своего лекарства, и она сразу ожила. Обрадовались братья. Стали спорить, кто спаситель.

Юноша с зеркалом говорит:

— Если бы я не увидел её в зеркале, то мы не узнали бы о беде. Я возьму её в жёны.

Юноша с санями говорит:

— Хоть ты её и увидел в своём зеркале, но без моих саней не смог бы приехать сюда. Это я возьму её в жёны.

Самый младший сказал:

— Без моего лекарства вы бы не смогли её оживить. Она будет моей женой.

Братья начали ссориться.

— Погодите ссориться,— остановила их девушка.— Я же говорила вам, что потеряете дружбу. Здесь живёт мудрый старик, идёте к нему.

Старик решил так:

— Пусть девушку в жёны берёт средний брат, который увидел в зеркале девушку.

— Я не согласна, идёте к хану,— сказала девушка.

Хан решил так:

— Пусть возьмёт девушку в жёны старший брат, без его саней вы не смогли бы к ней приехать.

— Не можете и вы, хан, справедливо решить спор, поэтому я сама решу,— рассердилась девушка.— Все три брата мне помогли, у двух из них остались сани и зеркало, оба ничего не потеряли. Только у младшего брата нет больше лекарства, он больше всех потерял. Я выйду замуж за него.

И стали они жить-поживать да добра наживать, и скота у них становилось всё больше и больше.

КОЗИЙ ХВОСТИК

Авным-давно на свете жил старик Бурелдэй. Однажды он заколол своего единственного вола, но отдал жене только брюшину, а остальное съел сам. Жадность одолела старика, и он выгнал старуху из юрты. Поплакала старуха да и отправилась по белу свету. Встретила дорогой чёрного ворона.

— Почему плачешь, старая? — спросил ворон.

— Как же не плакать? Старик заколол единственного нашего вола, мне дал только брюшину и выгнал из юрты.

— Отдай мне брюшину, — говорит ворон. — Всё равно ты ею не будешь сыта. А я тебе дам совет. Согласилась старуха.

Сказал тогда ворон:

— Перейди этот перевал, увидишь конскую голову, которая пасёт коз. Спрячься, а когда голова

загонит коз и залезет спать в ступку, возьми бронзовый пестик, разбей ступку, а коз заberi себе.

Перешла старуха перевал, увидела конскую голову, пасущую коз. Сделала так, как велел ворон. И стала она жить в берестяном чуме, пасти коз, а сама всё думает о старике:

— Надо бы проведать его.

Взяла она два куска сушёного творога и пошла к старику Бурелдею. Подходит к юрте — кругом тихо, никого нет. Заглянула в щель и увидела старика — очень худого, кости кожей обтянуты, ослабшего от голода. Бросила старуха кусок творога в дымовое отверстие, старик стал оживать от одного запаха и заплакал:

— О, моё голубое небо, о, богатая моя тайга, вы не оставили меня в беде.

Зашла тогда старуха в юрту. Старик заплакал от радости, что вернулась жена. Из шкуры вола жена сшила старику одежду, он стал пастухом, а она доила коз. Так и жили.

Однажды, когда жена доила коз, старик, сидя на камне, чихнул так сильно, что порвалась рубаха, а козы разбежались. В руках старухи остался только козий хвостик. Старик ушёл на поиски коз да так и не вернулся. Старуха опять осталась одна.

Слышит однажды старуха голос из юрты:

— Мама, чай закипел, иди скорее.

Зашла в юрту и глазам своим не поверила: бегаёт маленький голый мальчик.

— Ты откуда взялся, сынок?

— Я — Козий хвостик. Я буду твоим сыном.

Стали они жить вдвоём. Скоро в юрте кончилась еда. Что делать?

Козий хвостик говорит:

— Не горюй, мама, я скоро вернусь.

И пошёл он к Караты-хану. Спрятался в шерсть барана и кричит:

— Во мне сидит злой дух!

Испугался хан, велел заколоть барана и бросить подальше. Забрал Козий хвостик барана и принёс матери. Старуха обрадовалась: много мяса дал хан.

А мальчик говорит:

— Где же видано, чтобы хан давал бедняку мясо?

— Так, значит, ты украл у него?

— Нет, слуги хана притащили и бросили мясо.

— Ой, сынок, попадёт нам от хана.

— Не горюй, у хана много мяса, вот он и бросает его,— успокоил мальчик мать.

Однажды к ним пришли два брата.

— Помоги нам наказать Караты-хана.

Согласился мальчик. Пришли они в ханский аал, залез он в ухо большого вола и кричит:

— Я вол со злым духом, уберите меня!

Услышал хан, приказал прогнать вола. Братья поймали вола и закололи его, а мальчику дали только лёгкие и печень. Рассердился мальчик и решил их наказать за жадность.

Пришёл он в юрту Караты-хана, забрался в его одежду и стал кричать:

— В этой одежде сидит злой дух!

Удивляется Караты-хан: что это приключилось с его добром — говорит человеческим голосом. Делать нечего, выбросил одежду.

Оделся Козий хвостик в чёрный шёлковый халат, в чёрные идыки, в чёрную соболью шапку и стал караулить двух братьев. Увидев их, принялся кричать:

— Это не я, это не я, это братья украли вашего вола, Караты-хан.

Испугались братья, что Караты-хан поймаёт их и накажет, бросили навьюченных мясом вола коней и убежали.

— Вот к чему приводит жадность: у жадных нет друзей,— сказал мальчик.

Вернулся Козий хвостик в юрту к матери, и стали они жить-поживать и горя не знать.

КТО УМНЕЕ

или-были старик со старухой. Был у них сын, у которого была чёрная кобылица. Каждую весну мальчик уходил с караваном, а осенью возвращался, заработав денег.

Однажды мальчик вернулся раньше — летом. Старики удивились:

— Почему ты так рано вернулся?

— Я уже заработал свои деньги, — ответил он.

А осенью к ним приехал ещё один мальчик на чёрной кобылице. Старики растерялись: кто же их настоящий сын? Мальчики заспорили между собой.

— Уходи отсюда, ты чужой, эти старики — мои родители.

Делать нечего, пошли старики к хану, чтобы он узнал их сына. Рассказали, что произошло.

Хан им ответил:

— Тот, кто первый приехал и заботился о вас всё лето, кормил, поил вас — ваш сын.

По дороге домой они встретили детей, которые играли на горке. Старики рассказали о своей беде.

— Что же решил хан? — поинтересовался маленький мальчик.

— Он сказал, что наш сын тот, кто приехал первым, — ответили старики.

— Я попробую узнать правду. Пусть они бегут вон до той горки и обратно.

Мальчики-близнецы на чёрных кобылицах пустились наперегонки и вернулись одновременно, голова в голову. И снова стали спорить между собой.

Тогда маленький мальчик велел им сделать два глиняных кувшина.

— Если вы действительно сыновья, залезьте туда.

Первый мальчик сразу влез в кувшин, а второй, приехавший осенью, не мог засунуть туда даже свой кулак. Маленький мальчик быстро закупорил кувшин и сказал старикам:

— Там сидит шулбус. Разве человек смог бы влезть туда?

И он бросил кувшин в огонь. Старики обрадовались и уехали с настоящим сыном домой.

А мудрый мальчик послал ребят к хану сказать, что он не прав и не может после этого быть ханом.

Хан рассердился и приехал посмотреть, кто это оказался таким умным. Увидел перед собой маленького мальчика. Стыдно стало хану, ударил он коня плёткой и умчался.

КОЗЛИК — МЕДНЫЕ РОЖКИ

было это давным-давно, когда рога козлов в небо упирались, а хвосты верблюдов по земле волочились. Жили-были семь коз с семью козлятами. Стая голодных волков съела у них всех козлят, кроме одного, с медными рожками. Он резвился на крутой высокой скале, где его нельзя было достать. Козлик — медные рожки остался один у семи коз-матерей.

Он высасывал у них молоко, а потом убегал на свою скалу, играл там, ел траву зелёную, пил воду студёную.

Повадился в эти места голодный серый волк и стал поедать одну козу за другой. Скоро ни одной козы не осталось. Заплакал козлик горячими слезами, загоревал. Подходит к нему серый волк и спрашивает:

— Ты почему плачешь?

— Как же мне не плакать? Было у меня семь матерей — ни одной не осталось, — отвечает козлик.

— Теперь и твой черёд настал. Я тебя съем, — говорит волк.

— Ты всегда меня можешь съесть. Но какой тебе толк? Я ещё маленький. Приходи через год — я стану большим и жирным. Вот тогда и ешь.

Согласился волк.

Прошёл год, и волк вспомнил о козлике — медные рожки. Прибежал и увидел, что тот стал большим, рога у него сверкали на солнце, а борода стлалась по земле.

— Что это у тебя на голове сверкает? — спросил волк.

— Это мои мечи. Могу распороть брюхо любому медведю.

— А что у тебя на подбородке? — спрашивает опять волк.

— Этой мой платок. Им я утираюсь после обеда, когда наемся медвежьего сала и волчьих почек. Выходи на бой, вставай перед моими рогами! — закричал козлик.

Серый волк от страха так припустил, что не заметил острых колючек в лесу.

А козлик кричал ему вслед:

— Я распорю тебя, я проглочу тебя, проклятого!

Бежит навстречу перепуганному волку рыжая лиса.

— От кого бежишь, храбрый серый волк?

— Ой, лиса, хотел съесть козлика — медные рожки, но он меня чуть не убил своими рогами.

— Ну и трус же ты, братец! Нашёл кого бояться. Пошли вместе, — говорит лиса.

— Я туда больше ни за что не пойду, — ответил волк и побежал дальше.

Навстречу ему шагает чёрный медведь.

— Кого испугался, волк?

— Ой, хозяин, хотел я съесть козлика — медные рожки, но он меня чуть не убил.

— Пойдём вместе, посмотрим,— говорит медведь.

— Нет, не пойду. Лучше с голоду подохну,— ответил волк.

— Ну нет, храбрец, ты покажи мне этого зверя.— И медведь ловко поймал волка и привязал к своей лапе гибким тальником.

Подошли они к высокой скале. А там козлик со звоном точит о камни свои медные рожки.

— Что это у тебя на голове сверкает? — спрашивает медведь.

— Вот тебя-то мне и надо! Выходи на бой, вставай перед моими рогами-мечами! — закричал храбрый козлик и кинулся на медведя.

Тот пустился бежать без оглядки и придушил привязанного волка. С разбега налетел на большой чёрный пень и разбился насмерть.

А козлик — медные рожки целый день грелся на своей скале, ел траву зелёную, пил воду студёную. И никому не давал себя в обиду.

МУДРЫЙ ФИЛИН

ил-был хан птиц, и была у него сердитая, властная жена. Что захочет она, то и делает, а хан и слова сказать не может. Вздумала раз злая ханша испробовать птичье мясо. Приказал хан исполнить волю жены. Всякого птичьего мяса отведала ханша, а всё ей мало.

— Хочу теперь попробовать мяса филина, — сказала она мужу.

Послал хан за филином быстрого ястреба. Разыскал ястреб филина и передал приказание хана:

— Тебя хан зовёт к себе. Задумала ханша твоё мясо отведать.

Подумал филин и говорит:

— Не могу днём лететь, глаза ничего не видят. Ты иди, а ночью и я явлюсь к хану.

Улетел ястреб, передал хану слова филина. Про-

шла ночь, прошёл день, а филина всё нет. Ханша сердится и хана попрекает:

— Какой же ты птичий хан, раз к тебе филин не является! Скоро ли я попробую его мяса?

— Скоро, скоро, — отвечает ей хан. — Вот наступит ночь, он и прилетит.

Прошёл день, и прошла ночь, а филина всё нет как нет.

Переполох в стойбище хана. Птицы-прислужницы пищат, боятся на глаза ханше попадаться, не ровен час, заклюёт злая ханша.

Наконец, на исходе третьей ночи, явился к хану филин. спрашивает его разгневанный хан:

— Почему ты, лупоглазый, медлил, когда я тебя звал?

— В первую ночь я попал на большую сходку. Вот потому и задержался, хан мой, — отвечает спокойно филин.

— А что там было? — заинтересовался хан.

— Спорили — каких деревьев после бури больше бывает: сваленных или устоявших.

— И каких же деревьев больше? — продолжает любопытствовать хан.

— Сваленных больше, хан мой.

— А почему больше?

— Потому что ветер согнул много деревьев, и они тоже считаются сваленными, хан мой.

— Ну хорошо, а где ты был во вторую ночь? — спрашивает филина хан.

— Задержался я на большой сходке, хан мой.

— О чём же там спорили? — опять заинтересовался хан.

— Спорили о том, чего в году больше бывает: дней или ночей! Решили, что ночей в году больше, чем дней.

— А почему?

— Потому что в пасмурный день солнца не видно, и он тоже считается ночью, хан мой.

— Ну хорошо, а где ты был этой ночью?

— Уже вблизи от вашего аала задержался я ещё на одной большой сходке, хан мой.

— О чём же там спорили? — любопытствовал хан.

— Спорили — кого на земле больше: мужчин или женщин. Решили, что женщин больше, чем мужчин.

— А почему женщин больше? — удивился хан.

— Потому что мужчины, которые выполняют глупые прихоти, не могут считать себя мужчинами, хан мой.

— А к ханам это тоже относится?

— Относится, хан мой, — смиренно ответил филин и закрыл в знак покорности свои круглые, как плошки, глаза.

Засопел хан и стал думать:

«Зря я подчинился своей жене и истребил много птиц».

И запретил хан своей ханше с тех пор убивать птиц. А птицы радовались и благодарили мудрого филина.

ПОЧЕМУ ПТИЦЫ НЕ ГОВОРЯТ

то ещё тогда было, когда птицы человеческий язык понимали.

Жил на горе Дарбайты орёл. Однажды сидел он голодный на вершине горы и высматривал, не покажется ли из норки сурок — тарбаган. Ждал-ждал, разморился на солнце да и уснул. Проснулся орёл от шума крыльев. Большой серый ястреб схватил тарбагана и на ближайшей сопке стал его клевать. Возмутился орёл, подлетел к ястребу и чуть не задавил его.

Не испугался ястреб и говорит:

— Чего ты, орёл, взъерошился? Если хочешь кусок получить, то проси, да повежливей.

— Не нужно мне твоё угощение! — ответил надменно орёл, а сам жадных глаз с тарбагана не

сводит.— Просто хочу посмотреть, как ты такого дохлого тарбагана будешь есть.

Засмеялся ястреб:

— Зачем же ты тогда сам целый день караулил тарбагана, коли он дохлый!

Отвечает орёл сердито:

— На тарбагана я не смотрел. Одним глазом я высматривал косулю, а другим — зайца. Тебе в жизни их мяса не попробовать. Ешь своего тарбагана, пока он не протух.

Сильно поссорились между собой орёл и ястреб. Такой шум подняли, что все птицы слетелись и решили птичьего хана избрать, чтобы он споры разбирал.

Загалдели, зашумели птицы. Всем хотелось стать ханом.

Выступил вперёд орёл и говорит:

— Я должен быть вашим ханом. Выше меня никто в поднебесье не залетает.

— Не нужно нам такого хана,— хором возразили птицы.— Гордость у тебя большая, потому и живёшь один на неприступных скалах. Не согласны!

Тогда выбралась вперёд летучая мышь и сказала:

— Я хочу быть ханом. Крылья у меня не из перьев, как у вас, а из кожи. Уши мои слышат далеко.

Взъерошилась серая кукушка:

— Не может быть летучая мышь ханом. Нам говорит, что она птица, а зверям говорит, что зверь. Да ещё всю ночь летает, нам спать не даёт. То ли дело я, кукушка. От моего пения вся земля весной в зелёный убор наряжается. Лучше меня хана не найти вам.

Замахали крыльями большие и малые птицы:

— Не бывать кукушке нашим ханом. Она своих птенцов не высиживает.

Разгорелся тут великий спор, каждая птица предлагала себя в ханы.

Долго шумело птичье сборище. А на вершुшке высокого кедра сидел старый ворон—волшебник.

Слушал, слушал он птичьи споры и сказал:

— Раз не можете договориться, то совсем не будете говорить! Каждый хочет быть ханом...

Как сказал ворон-волшебник, так и случилось—разучились птицы говорить.

ЛЕНИВАЯ СОВА

ила в зелёном лесу серая сова. Была она ленивой-преленивой. Ей даже лень было перелететь с дерева на дерево.

Как-то тёплым днём она сидела в дремоте на лиственнице. Подлетел к ней пёстрый дятел и застучал по дереву.

Проснулась сова, встряхнула помятыми крыльями и спросила сонным голосом:

— Что ты, дятел, шумишь — спать мне не даёшь?

— Разве ты не видишь? — удивлённо посмотрел на неё дятел своими глазами, похожими на просяные зёрнышки. — Еду я себе добываю.

— Ты что, не мог другого места найти? Убейся отсюда! — прикрикнула на него сова.

— Все трудятся, одна ты спишь. Хотя бы гнездо себе сделала! — сказал дятел и улетел прочь.

Уселась сова поудобнее и только было заснула, как снова услышала шум. Это сорока подлетела к лиственнице и стрекочет над самым ухом. Закричала на неё сова, а та не испугалась и говорит ей бойко:

— Почему ты всё спишь? Посмотри кругом — все птицы хлопочут, у каждой своё дело: кто птенцов кормит, кто гнездо вьёт.

Не дождалась сорока ответа от совы и полетела дальше новости лесные собирать.

Опять задремала сова, вдруг слышит, как над её головой кто-то летает. Оказывается, это маленькая синичка пух тополиный себе в гнездо собирает. А кругом птицы спуют, кузнечики звенят, мошки жужжат.

Стыдно стало сове, и решила она, как придёт другой день, за гнездо приняться.

Наступила ночь. Была она очень холодной. Сова дрожала и плотнее прижимала крылья к телу. Вспомнила она о тёплом гнезде синички — вот бы в таком поспать. Длинной была холодная ночь. Даже глаза бесчисленных звёзд неба замёрзли и потускнели от холода. Всю ночь сова мёрзла и поджидала восхода солнца. Наконец солнце взошло и согрело её. Разомлела сова от тепла и сладко заснула.

Так проходил день за днём, а гнезда себе сова так и не свила из-за своей лени.

ОТЧЕГО У ЛОСЯ МОРДА ВЫТЯНУТАЯ

днажды лось и пищуха — суслик таёжный — поспорили. Пищуха говорит:

— Надо удлинить лето в два раза.

Лось возразил:

— Э-э, нет! Мне лето не нравится.

Летом много комаров, мошек и очень жарко. Надо сделать так, чтобы его совсем не было. Тогда будет хорошо.

Пищуха ответила ему:

— А если всё время будет зима, тогда снег засыплет тебя. Ты не сможешь быстро ходить, и человек убьёт тебя.

— Ах ты негодная! Меня убить? — возмутился лось и наступил на неё. Пищуха с трудом вырвалась и юркнула в нору. Только её хвост остался у лося под копытом.

Лось сердито надулся, вытянул морду и уставился на нору. Стал он ожидать, когда пищуха покажется. Да так и не дождался. И с тех пор его морда стала вытянутой и надутой.

А пищуха осталась с коротким хвостом.

ГЛУХАРЬ И СЕЛЕЗЕНЬ

авным-давно это было — глухарь и дикий селезень жили вместе. Когда становилось холодно, селезень улетал в тёплые края. Глухарь, плача, летел следом за ним. От слёз и холода у бедного глухаря глаза опухли и покраснели. Пожалел селезень его, нащипал из своей шеи синих пёрышек, а из-под крыльев белого пуха и укутал его. С тех пор у глухаря оперение стало как у селезня — синее на шее и белое под крыльями.

ГОЛОДНЫЙ ВОЛК И КОЗЛЕНОК

то ещё тогда было, когда рога козлов в небо упирались, а хвосты верблюдов по земле волочились.

Жил-был хромой серый волк. Уже много дней ему не попадалась добыча, и уши у него болтались, как тряпки.

Мог он поживиться только высохшими костями на покинутых стойбищах. Жутко выл он по ночам, а днём отлёживался на солнце, думая о тёплой крови и жирном мясе.

Однажды волк рыскал по степи в поисках добычи и вдруг увидел, как на высокой скале жирный козлёнок спокойно пощипывает травку.

Глядит волк на козлёнка и глазам своим не верит — может, мерещится с голоду. Прячась за камнями и облизываясь, стал волк подкрадываться к скале.

Но чуткий козлёнок тотчас почувял врага и бросился к самой вершине скалы. Оттуда он насмешливо смотрел на голодного волка и со звоном точил о камни свои рожки. Погасла у голодного волка радость, помутилось в глазах от голода. Крикнул снизу волк:

— Эй, козлёнок! Отрежь мяса от своей ноги. Не дашь — сожру тебя всего, мокрого пятна суслику лизнуть не останется.

«Ишь чего захотел, хромоногий!» — подумал козлёнок, а вслух отвечает:

— Я бы отрезал тебе кусок, да нечем. Сбегай к Донгулу и попроси у него нож.

Прибежал волк к Донгулу:

— Донгул, мне козлёнок обещал мяса отрезать от своей ноги, да ножа нет. Одолжи нож, дружище.

Говорит Донгул:

— Нож есть, только он очень тупой. Попроси у Чалдыя брусок.

Прибежал волк к Чалдыю:

— Чалдый, мне козлёнок обещал мяса отрезать от своей ноги, да ножа нет. У Донгула есть нож, да тупой. Одолжи брусок.

Говорит Чалдый:

— Брусок есть, только он очень тяжёлый. Попроси у Чанныка сани.

Приковылял волк к Чаннику:

— Чанник, мне козлёнок обещал мяса отрезать от своей ноги, да ножа нет. У Донгула есть нож, да тупой. У Чалдыя есть брусок, да тяжёлый. Привезти не на чем. Одолжи сани, дружище.

Говорит Чанник:

— Сани есть, да сами они не поедут. Попроси у Кулдуя коня.

Приплёлся волк к Кулдюю:

— Кулдуй, мне козлёнок обещал мяса отрезать от своей ноги, да ножа нет. У Донгула есть нож, да тупой. У Чалдыя есть брусок, да тяжёлый.

У Чанныка есть сани, да нет коня. Одолжи мне коня, дружище.

— Конь есть, да без аркана его не поймать. Попроси у Алда́я аркан.

Приплёлся волк к Алдаю.

— Алдай, мне козлёнок обещал мяса отрезать от себя, да ножа нет. У Донгула есть нож, да тупой. У Чалдыя есть брусок, да тяжёлый. У Чанныка есть сани, да нет коня. У Кулдуя есть конь, да нет аркана. Одолжи мне аркан, дружище.

— Аркан есть, только он в ящике под замком. А ключ находится у хозяина леса. Попроси у него ключ.

Потащился волк к хозяину леса.

А хозяином был молодой ловкий охотник. Он бродил с ружьём по лесу.

Увидел охотник волка и крикнул:

— Что, разбойник, сам идёшь ко мне?

Проворно схватил он ружьё и первым выстрелом убил волка наповал. Только эхо разнеслось по горам.

А козлёнок целый день грелся на солнце и мирно щипал траву. Знал он, что не даст человек его в обиду.

КАК ВЕРБЛЮД СТАЛ НЕКРАСИВЫМ

оворят, когда-то давно верблюд был самым красивым животным. У него был пышный длинный хвост и красивые могучие рога.

Однажды он подошёл напиться к реке и повстречал марала.

— Я иду на праздник, одолжи мне твои рога, братец! — попросил марал.

Верблюд согласился и остался ждать его на берегу.

В тот же день встретился ему конь и попросил:

— Я иду на праздник, одолжи мне твой хвост, братец!

Верблюд опять согласился и остался ждать его на берегу.

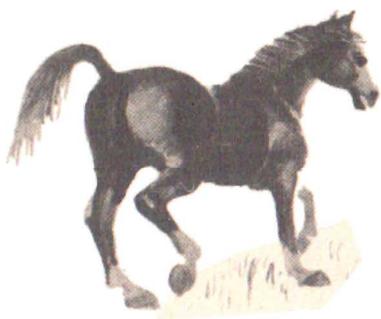
Марал и конь ускакали. Верблюд в ожидании

целый день пил воду и глядел на дорогу. Но ни коня, ни марала не было видно.

Марал обманул верблюда, ускакал в тайгу и перестал выходить в степь. Чужие рога навсегда прижились у него.

Конь, который обманом взял хвост, пугливо убегает прочь, едва завидит верблюда.

А верблюд с тех пор стал самым некрасивым и сердитым животным.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Олег Саган-оол. О сказках Тувы</i>	3
Оскюс-оол и Золотая царевна	5
Оскюс-оол и Дилгижек	18
Старик Адыган	23
Хитрый и богатый	28
Мальчик с пальчик	33
Боралдай	36
Каша в кувшине	39
Хеверик	42
Золотая птичка	53
Хан — ослиные уши	56
Эр-Сарыг	59
Ховен-Тажы	66
Сын медведя	72
Три брата	79
Спор	83
Козий хвостик	87
Кто умнее	90
Козлик — медные рожки	92
Мудрый филин	95
Почему птицы не говорят	98
Ленивая сова	101
Отчего у лося морда вытянутая	103
Глухарь и селезень	105
Голодный волк и козлёнок	106
Как верблюд стал некрасивым	109

Для младшего школьного возраста

ТУВИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Ответственный редактор

Т. М. Тумурова

Художественный редактор

В. А. Тогобицкий

Технический редактор

Г. Г. Рыжкова

Корректоры

В. В. Борисова и Ю. Н. Феликсова

ИБ № 10709

Подписано к печати с готовых диапозитивов 20.11.87.

Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офс. № 2.

Шрифт литературный. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 15,5. Уч.-изд. л. 4,79.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 1905. Цена 45 коп.

Орден Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов

издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР

по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинат детской литературы

им. 50-летия СССР

Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР.

170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»